
ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЯХ



Издательский дом Высшей школы экономики

Москва, 2013

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

П48

Над книгой работали:

Мария Юдкевич

Олег Воскобойников

Юлия Иванова

Даниел Карабекян

Генрих Пеникас

Екатерина Талалакина

П48 Поколения ВШЭ. Ученики об учителях [Текст] / М. М. Юдкевич, Ю. В. Иванова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 232 с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1070-4 (в пер.).

Книга, в которой об учителях рассказывают их ученики, — результат коллективной работы примерно 50 молодых ученых, представляющих практически все факультеты и отделения московского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». О своих учителях рассказывают как те, кто учился в НИУ ВШЭ, так и те, кто получал образование и делал первые академические шаги в других вузах. Это позволяет взглянуть на ВШЭ в контексте ее места в академическом пространстве современной России и подчеркнуть все многообразие опыта, который лег в основу формирования ее исследовательских команд. Собранные в книге очерки глубоко индивидуальны, но подчинены общей идее: представить научные судьбы и характеры учителей в контексте развития научных знаний в конкретных дисциплинах.

Книга рассчитана на абитуриентов, студентов, выпускников университетов, всех интересующихся историей и судьбами фундаментальной науки и образования в России.

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

ISBN 978-5-7598-1070-4

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

Нашим ученикам

Вы же не позволяйте называть себя учителями, потому что у вас один Учитель, а вы все – братья.

Мф. 23:8

Послушайте, друзья!
Нельзя же в самом деле передо мной так
преклоняться.
Я такой же, как и вы все, только лучше.

Даниил Хармс

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 6 ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ
- 8 Лев Львович Любимов: «Не для себя, а для Университета мы трудимся» (С.Э. Пекарский)
- 13 Любовь Владимировна Златоустова: Вкус к науке и жизни (И.В. Ефименко)
- 17 Аскольд Георгиевич Хованский: Идеальный математик (В.А. Тиморин)
- 21 Игорь Аполлониевич Чернов: Сын Аполлония, тартуская энигма (Я.С. Левченко)
- 25 Рассел Купер: Ученый, учитель, энтузиаст и немного хиппи (А.В. Юрко)
- 29 Алексей Алексеевич Макаров: Улыбающийся математик (Д.К. Стукал)
- 33 Владимир Вениаминович Биbihин: Вольный ум (А.В. Михайловский)
- 38 Галина Михайловна Андреева: Главная Мама (Е.Ф. Агадуллина)
- 42 Алексей Брониславович Сосинский: На каком языке разговаривать о математике? (Е.Ю. Смирнов)
- 47 Вадим Валерьевич Радаев: В непрерывном движении (З.В. Котельникова)
- 52 Бернар Мъж: Ученый-многостаночник (И.В. Кирия)
- 57 Виталий Львович Махлин: Socrates redivivus (Ю.В. Иванова)
- 62 Алексей Николаевич Гусев: Несколько жизнерадостных уроков психологии (И.С. Уточкин)
- 66 Сергей Михайлович Авдошин: Постигая новое, лелеять старое (А.А. Савельева)
- 70 Владимир Алексеевич Томсинов: Правовед с неутолимым интересом к истории (Д.Ю. Полдников)
- 75 Сергей Артемьевич Айвазян: Воплощение научной мудрости (Г.И. Пеникас)
- 80 Александр Васильевич Михалев: Человек, на которого хочется быть похожим (К.И. Сонин)
- 85 Лия Павловна Катлинская: Дорогой мой человек (Е.В. Талалакина)
- 90 Андрей Александрович Россиус: Трудные радости классической филологии (В.В. Файер)
- 94 Юлий Сергеевич Ильяшенко: Вершины взятые и непокоренные (Ю.Г. Кудряшов)
- 99 Александр Борисович Каменский: Историк повседневности (Г.О. Бабкова)

- 103 Вячеслав Эрнстович Вольфенгаген: Учитель Пути (С.В. Зыков)
- 108 Евгений Григорьевич Ясин: Мастерская свободной мысли (Д.А. Веселов)
- 113 Жан-Клод Шмитт: Четвертое поколение школы «Анналов» (О.С. Воскобойников)
- 120 Ирина Васильевна Ивашковская: Le goût de la vie (А.Н. Степанова)
- 123 Валентина Алексеевна Голубева: Математик (Д.И. Игнатов)
- 128 Альфред Эрнстович Жалинский: Doctor-father (З.М. Погосова)
- 133 Федор Иванович Гиренок: Свобода мысли как педагогика, или Сократ в университете (Т.В. Левина)
- 138 Александр Аркадьевич Шерель: Профессор-режиссер (А.А. Новикова)
- 143 Фуад Тагиевич Алескеров: Уроки наставничества (Д.С. Карабекян)
- 148 Вадим Валерьевич Васильев: Sapere aude! – Решись мыслить... (Д.Э. Гаспарян)
- 153 Александр Олегович Крыштановский: «Нужно видеть за цифрами конкретного человека!» (Д.О. Стребков)
- 158 Давид Иосифович Баркан: Мир маркетинга (В.А. Ребязина)
- 162 Наталья Евгеньевна Тихонова: Большой след в маленькой истории (Ю.П. Лежнина)
- 167 Александр Евгеньевич Кибрик: Отец-основатель, или Командные методы в современной лингвистике (М.А. Даниэль)
- 172 Надежда Михайловна Лебедева: Учитель, ученикам которого просто повезло (А.Н. Татарко)
- 176 Александр Николаевич Земляков: Лучший из лучших (А.В. Захаров)
- 180 Марк Юрьевич Урнов: Кот, который гуляет сам по себе (В.А. Касамара)
- 185 Маартен Янссен: Летучий голландец (А.Н. Парахоняк)
- 189 Александр Фридрихович Филиппов: Парцифаль социологической теории (В.С. Вахштайн)
- 194 Андрей Владимирович Полетаев: Незабываемый THESIS. Сергей Сергеевич Аверинцев: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος (В начале было Слово) (А. В. Белянин)
- 200 Инесса Львовна Бим: Учитель для миллионов (М.А. Лытаева)
- 205 Татьяна Львовна Клячко: Железная леди (И.В. Павлюткин)
- 209 Игорь Сергеевич Чичуров: «Византийский европеец» (А.Ю. Виноградов)
- 214 Гарвин Частейн: “I am indebted to my teacher for leaving well” (В.В. Кускова)
- 219 Ярослав Иванович Кузьминов: «Где больше неба мне – там я бродить готов» (М.М. Юдкевич)
- 224 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

В этой книге мы, ученики, рассказываем о своих учителях. Мы пишем о людях, сыгравших важную роль в нашем жизненном выборе – в том, что мы стали исследователями и преподавателями. Те ценности, которые мы сегодня пытаемся передать нашим студентам, и идеи, которые мы считаем важными, во многом определились под влиянием наших учителей.

Можно сказать, что книга, которую держит в руках читатель, – портрет. А всякий хороший портрет стремится выйти за рамки своего жанра. Мы чувствуем незримое присутствие Рафаэля в портрете Бальдассаре Кастильоне, а в рембрандтовском «Ночном дозоре» лица солдат и офицеров увлекают нас не меньше, чем рассказ и ощущения художника, запечатленные в каждой детали. Нам хотелось, чтобы «Поколения ВШЭ» стали тем групповым портретом, где каждая индивидуальная черта сохраняет свою выразительность, хором, в котором каждый голос – соло. Однако, работая над книгой, мы создавали и автопортрет, но не скрытый в лице друга – как было у Рафаэля, – а скорее, различимый в ракурсе, в игре зеркал – как в «Менинах» Веласкеса. Наши авторы – поколение преподавателей Вышки, выросшее в те годы, когда Вышка сама была подростком. Некоторые из нас пришли сюда со школьной скамьи, некоторые учились в других университетах и обрели здесь свой дом – кто магистрантом, кто аспирантом, а кто и зрелым ученым. Главное, что все мы – возможно, на волне юбилейных праздников 2012 г., – почувствовали себя поколением: круглые даты нужны университетам не меньше, чем государственное финансирование.

Кто мы? Что привело нас в академическую семью Вышки? Эти вопросы периодически возникают у любого из нас – в общении со студентами, на встречах с коллегами, на выездных семинарах кадрового резерва, на Апрельской конференции, на заседаниях комиссий и советов, при вручении «Золотой Вышки». Так или иначе, почти для каждого из нас приход в академическую профессию был связан с нашими учителями. Возможно, именно поэтому в какой-то момент, то ли за бокалом, то ли за чашкой, возникла мысль рассказать о наших учителях: инстинктивно мы все понимаем, что именно в них корни нашего поколения. Каждый из нас пишет о наставнике, причем о том единственном, которого на суховатом академическом языке называют «научным руководителем», tutor, supervisor, Doktorvater, directeur de thèse, на студенческом жаргоне – «научником», а по большому счету – Учителем. Именно поэтому не все собранные здесь тексты посвящены тем, что когда-либо значились нашими руководителями в кафедральных протоколах: ведь не всегда научная традиция передается по предписанным правилам. Нас, задумавших книгу, объединила простая мысль, что отношения между учителем и учеником едва ли не самое ценное, что есть в университете, как в общечеловеческом, так и в профессиональном смысле.

И еще нам подумалось, что такая история университета, словно рассмотренная под микроскопом, саморефлексия, поданная крупным планом, – это путь к формированию нашей общности. Перед вами, конечно, не история Высшей школы экономики, а попытка ответить на вопрос, кто мы, оглянувшись назад.

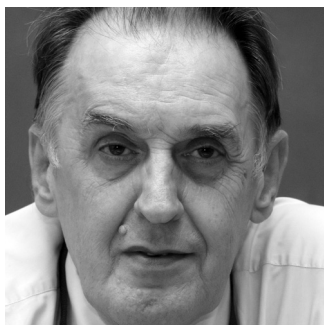
Если не история, то, во всяком случае, антропология: мы позвали тех, кто учился не «понемногу», не «чему-нибудь и как-нибудь», а с умом и сердцем, тех, кто сегодня, защитив диссертации и работая на разных факультетах, ждет от студентов той же академической бессонницы и неумемного любопытства, которыми когда-то, заразившись от учителя, заболел сам. В этой ответственности – непреложный закон развития знаний и залог их выживания в эпоху гаджетов и «одиночества в сети». Каждая история в книге глубоко индивидуальна, несмотря на формальные сходства траекторий. Чтобы неповторимость этих историй проступила рельефнее, мы предложили коллегам нехитрую схему. «Данные», достойные справочников и университетских сайтов, читатель найдет в биографических справках. Основной же рассказ – об обстоятельствах знакомства, о научной среде, о конкретных задачах, которые учитель с учеником решали (и зачастую до сих пор решают) сообща. И вместе с тем в нем запечатлены человеческие отношения, жизненные ситуации и коллизии, мир чувств, индивидуальный характер и проявившиеся в нем черты поколения, личный взгляд ученика на учителя и то, что в этом взгляде говорит языком сверстников. Одним словом, диалог поколений.

В процессе работы над своими текстами, в обсуждениях и спорах об уместности слишком смелой откровенности или слишком эзотеричной терминологии, в стремлении сохранить каждый голос в этой академической полифонии многие из нас обрели новых друзей и открыли в уже знакомых коллегах что-то для себя новое и очень важное. Задача, при всей видимой простоте, оказалась уравнением со многими неизвестными, и все решали его по-своему – как нам того и хотелось. Мы наметили только контуры будущего здания, доверив стены, пилястры и своды зодчим, ваятелям и живописцам.

Такой монументальный портрет не может не быть и автопортретом, но все же авторы книги пишут не о себе (для этого есть личная страница на портале), не о том, как им удалось с чьей-то помощью выйти в люди.

Даже если мы все глядим в Пигмалионы, этой книгой мы воздаем должное нашим учителям и традициям, к которым мы через них оказались причастны. Школа, куда мы пришли при различных обстоятельствах, по различным причинам и из разных университетов, воздвигнута не на земле безвидной и пустой. Мы верим, что при всей своеобычности, футуристичности и экспериментальности она станет золотым звеном в российской и всемирной истории университетов. Именно такую картину нам хотелось бы представить городу и миру.

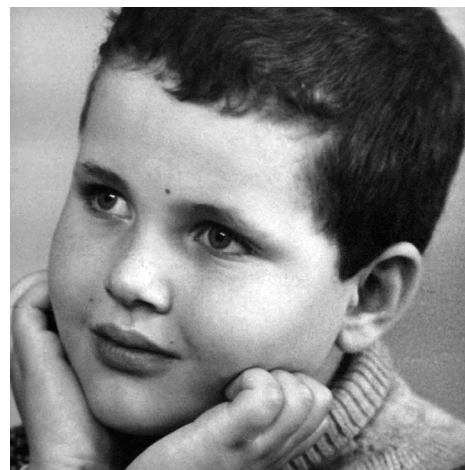
**Мария Юдкевич,
Олег Воскобойников**



ЛЕВ ЛЬВОВИЧ ЛЮБИМОВ

- В 1959 г. окончил Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина.
- В 1963 г. поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР, сектор теории).
- В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1980 г. – докторскую диссертацию.
- 1969–1995 гг. – руководитель различных отделов ИМЭМО.
- Член делегации СССР на Конференции ООН по морскому праву на протяжении 14 лет, один из авторов «Конвенции ООН по морскому праву».
- Ректор-организатор Государственного университета гуманитарных наук (1994–1995).
- Первый проректор (с 1995 г.), заместитель научного руководителя (с 2006 г.) ГУ–ВШЭ, заведующий кафедрой макроэкономического анализа (с 2003 г.), заведующий НУЛ макроэкономического анализа (с 2006 г.).
- Научный редактор журналов «Экономика в школе» и «Школьный экономический журнал», член редколлегии журнала «Вопросы образования».
- Автор первого Федерального образовательного стандарта для вузов по направлению «Экономика», разработчик программ экономического компонента образования для средних школ, автор четырех учебников, вышедших общим тиражом свыше миллиона экземпляров.
- Одним из первых проводил внедрение основных компонентов Болонского процесса в систему российского образования.
- Создатель филиалов ВШЭ в Н.Новгороде, Перми и Санкт-Петербурге.
- Член коллегии департамента образования г. Москвы, разработчик серии программ и законопроектов в области образования.
- Председатель жюри всероссийских олимпиад школьников по экономике и всероссийских олимпиад школьников по предпринимательству и основам потребительских знаний.
- Автор более 150 научных статей и монографий, научный руководитель семинара «Макроэкономика и макроэкономическая политика».
- Удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012) и еще более 10 правительственных наград, звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2002 г.).

СЕРГЕЙ ПЕКАРСКИЙ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Лев Львович Любимов: «Не для себя, а для Университета мы трудимся»

Для меня счастье работать в Университете – это не только преподавание и исследования, но и возможность продолжать учиться у замечательных людей. Общение со многими коллегами в ВШЭ обогатило меня в той или иной степени. Но мой главный академический наставник – Лев Львович Любимов.

Макроэкономика: союз по любви

До того как я перейду к рассказу о Льве Львовиче Любимове, я должен отметить важную роль в моей биографии Александра Дмитриевича Смирнова: без его деятельного участия я, возможно, не стал бы макроэкономистом и не остался работать в Вышке. Профессор Смирнов читал лекции по макроэкономике продвинутого уровня в магистратуре ВШЭ. Если не брать в расчет вводный курс по экономической теории на подготовительном отделении, это было мое первое знакомство с предметом.

Теперь я понимаю, что курс Александра Дмитриевича был «авторским»: почти половину курса занимали модели самого лектора. Но, возможно, именно по этой причине, а также благодаря харизматичности преподавателя макроэкономика меня «зацепила». С одной стороны, несмотря на то что курс был подчеркнуто теоретический, у меня сразу же сложилось впечатление, что это «про жизнь». С другой стороны, для меня – прикладного математика, заканчивавшего параллельно МИЭМ и пришедшего в Вышку в поисках, где бы эту математику приложить, – методология курса (акцент на формальный анализ экономической динамики) и высокая степень абстрактности предмета (анализируем не потребителя или фирму, а процессы на уровне сложной системы) были очень привлекательны. На фоне доступных «простеньких» переводных учебников по макроэкономике вводного уровня вся сила и притягательность предмета ассоциировались с личностью Смирнова. Во втором семестре его уговорили вести семинарские занятия в двух группах. И это стало еще одним важным фактором: Александру Дмитриевичу было совершенно не интересно решать с нами задачи.

На первых занятиях он сам сформулировал несколько вопросов для обсуждения, а потом предложил сделать это нам самим. Я не мог упустить такую возможность, нашел (почти случайно) статью из *Brooking Papers* про проблемы высокой инфляции и сделал по ней доклад. После семинара я подошел к Александру Дмитриевичу. Он невозмутимо, как будто и не могло быть никаких сомнений в моих дальнейших планах, достал из портфеля пару своих брошюр и предложил мне их прочитать и подумать, что бы я сам в этой области мог исследовать.

Так он стал моим научным руководителем. Я с удовольствием начал посещать научный семинар по проблемам переходной экономики, который он вел (тогда в Вышке было всего несколько семинаров, не то что сейчас). После одного из таких семинаров мы стояли в фойе здания в Гнезниковском и что-то обсуждали. Поздоровавшись с Евгением Григорьевичем Ясиным и Львом Львовичем Любимовым, Александр Дмитриевич представил меня как одного из своих лучших студентов. Это само по себе несколько смущало (честно говоря, я был далеко не лучшим студентом – сил одновременно учиться в Вышке и заканчивать МИЭМ не хватало). Но когда в ответ на такое представление Лев Львович сказал: «Так давайте его к нам!» – я совсем растерялся и даже не понял, о чем он говорит. Но уже вскоре я, студент второго курса магистратуры, вел семинарские занятия для студентов первого курса магистратуры за Смирновым. Сомнений относительно того, что мне делать после окончания вуза, у меня больше не было.

Свобода от, свобода для

Подход Александра Дмитриевича к работе с аспирантами (а нас было двое: я и Коля Арефьев, которому, как и мне, доверили вести семинары по макроэкономике продвинутого уровня) предполагал почти полную свободу творчества. Мы сами выбирали, чем заниматься и что читать.

Никаких строгих указаний – прочитать именно это и исследовать таким-то образом – мы не получали. Это давало ощущение, что ты уже стал самостоятельным исследователем. Александр Дмитриевич был открыт для обсуждений. Он был по-академически критичен, но бережно относился к ранимой душе начинающего исследователя. Вспоминаю, как однажды он раскритиковал одну гениальную, как мне казалось, идею. А потом сам позвонил мне домой и, подобрав правильные слова, приободрил меня и настроил искать дальше. На определенном этапе, посчитав, что я уже чего-то достиг, он заставил меня подготовиться и помог доработать и опубликовать первую статью в «Экономическом журнале» ВШЭ. Сейчас публикации – это и требование, и норма академической жизни. Однако 14 лет назад к этому было мало стимулов. Если бы не Александр Дмитриевич, я бы вряд ли опубликовал свою первую, а вскоре и последующие статьи. Однако, как показала жизнь, чрезмерная свобода в условиях тогда еще весьма мягко регулируемой аспирантуры не смогла не отразиться на стимулах: погрузившись в преподавание, а после и в административную работу, я отложил срок защиты кандидатской диссертации на несколько лет. Своим студентам и аспирантам я готов предоставлять только свободу для творчества, но не свободу от сроков.

Не Лимпопо

Самый важный в жизни кредит – это человеческое доверие. Мне сложно представить свое становление без этого кредита, который дала мне Вышка и, в частности, Лев Львович Любимов. Как первый проректор, он с самого начала делал ставку на академическую молодежь. Я еще не окончил магистратуру, когда он вызвал меня к себе и сказал, чтобы я собирался на стажировку. Доедая йогурт, он рассказывал, как это важно – поучиться за границей, и когда я задал, как мне казалось, существенный вопрос: «А куда вы меня хотите отправить?» – он только рассмеялся: «Не бойся, старик, не на Лимпопо». Как потом выяснилось, речь шла про курсы в LSE.

По некоторым причинам я так и не смог туда поехать. Однако уже через полгода я оказался на аспирантской стажировке в Роттердаме, в Университете Эразма. Потом была стажировка в Сорбонне и еще несколько поездок в Роттердам. Развитие библиотеки с самого начала было приоритетом ВШЭ. Но в начале 2000 г. фонд был все же небольшой, а электронных ресурсов еще не было и в помине. Застав меня в Эразмусе у копировального аппарата, Лев Львович одобрительно похлопал меня по плечу: не зря отправили на стажировку. Количество отскерокопированных тогда мною книг измерялось десятками, статей – сотнями, а вся «макулатура» – круглой суммой за перевес в аэропорту. (К слову сказать, до сих пор я так и не прочитал и половины отскеренного, зато многое со временем раздал студентам и коллегам.)

Лев Львович не относится к людям, которые с энтузиазмом берутся за все новое, так и не завершив старое. И когда в 2006 г. я наконец-то защитил кандидатскую диссертацию (по сути, уже готовую в 2001 г., но, видимо, старательно выдерживавшуюся и ожидавшую «дожима» со стороны Льва Львовича), он убедил меня, не верившего в саму возможность такого предприятия, перевести текст на английский язык и показать его нашим знакомым в Университете Эразма. И вот уже в сентябре 2007 г. я защищал диссертацию в Роттердаме перед небольшой комиссией профессионалов, в которую пригласили и Льва Львовича. Задумано – сделано.

Расселение коммуналки, новая старая семья

В начале 2000-х годов кафедра экономической теории, на которой я работал, достигла своего предела с точки зрения управляемости и перспектив развития. Сначала появилась кафедра микроэкономического анализа, а затем и кафедра макроэкономического анализа, которую возглавил профессор Любимов. В построении новой линейки курсов по макроэкономике и в открытии специализации «Макроэкономика и макроэкономическая

политика» Лев Львович снова сделал ставку на молодых. За десять лет многое изменилось, и мне кажется, кафедре удалось многого добиться. Но, пожалуй, самый важный результат – Любимов поднял на ноги первоначально совсем не остепененную когорту молодых. Несколько бакалавров, поверивших кафедре Любимова в 2004 г., уже успешно защитили кандидатские диссертации и стали нашими коллегами. Несколько наших выпускников уехали на PhD-программы в престижные европейские и американские университеты. Большинство из них, наверное, уже не вернутся в Вышку. Но Лев Львович очень надеется, что вернутся. Ведь еще задолго до того, как Вышка перешла к политике активного международного рекрутинга, он понимал, как важно нам «говорить на их языке», воспринимать западные академические нормы и жить в соответствии с ними.

Терпение и труд

Как и многие другие, я считаю, что вклад Любимова в формирование стратегии управления человеческими ресурсами Вышки огромен. Сначала меня поражало, как Лев Львович, достаточно решительный и жесткий в некоторых вопросах, может так долго смотреть на беспешное и непоследовательное развитие людей с многочисленными странностями (вроде меня). Откуда столько терпения? Со временем я (кажется) понял, что это многолетний опыт руководителя, который трудится не для себя. В России давно ведутся дебаты о переносе на российскую почву и выращивании институтов. Взгляды Любимова на этот вопрос (в моем упрощенно-ограниченном понимании): для привития и развития институтов нужна культурная основа. Большинство неудач и проблем с российской экономикой и обществом является следствием культурной неразвитости или деградации. (В последние годы Лев Львович стал активно излагать свои взгляды на эти и многие другие вопросы в газетах и блогах – это то, до чего еще не дорос ни я, ни мои прагматичные коллеги.) Эти же проблемы присутствуют и российскому среднему и высшему образованию.

Труд Любимова – это воспитание в молодых людях, которых он терпеливо выращивает, академической культуры, университетского этиоса. Процесс занимает долгие годы, и Лев Львович с терпением верит и ждет. Лев Львович – сеятель в стране, пережившей ледниковый период.

Художественные зарисовки

Беседы с Любимовым

Они (если это именно беседа, а не быстрое обсуждение рабочих вопросов) длятся около полутора часов. В кабинете Льва Львовича звучат Рахманинов, Чайковский, Мусоргский. Лев Львович умеет очень интересно рассказывать. Я стараюсь запомнить слова, которых нет в моем словарном запасе, чтобы потом посмотреть в энциклопедии. Иногда с завистью смотрю на книжные полки, где больше половины книг – не по экономике, а русских философов (когда я тоже найду время читать не только макроэкономику?). Из лирических отступлений от темы – что такое университет? что сейчас происходит в средней школе? нужны ли прямые выборы губернаторов? – я понимаю, каким богатым и неординарным личным опытом обладает Лев Львович.

День рождения Льва Львовича

Наша кафедра вклинивается в нескончаемую череду разных людей, которые не могли не прийти поздравить Льва Львовича. Фантастическое число тех, кто его уважает, кто ему благодарен, кто его любит. Произнести тост в честь именинника невозможно: он всегда переделывает его в тост за молодежь. (И как вообще профессор, заместитель научного руководителя ВШЭ, может за день выпить столько коньяку?)

Любимов на заседаниях

Что-то Лев Львович готов терпеливо слушать, кратко резюмируя в конце. Кого-то он бесцеремонно прерывает, ставя справедливый, с его точки зрения, диагноз, хотя прекрасно понимает, что часто коллегам нужно дать возможность выпустить пар. Лев Львович не жалеет времени для раздумий и обсуждений, но не может позволить ни себе, ни окружающим тратить его на бесполезные разговоры.

О своих и чужих

В терминологии Льва Львовича факультет экономики делится на «профессионалов, говорящих на одном языке с Гарвардом», и остальных, говорящих на «русском народном». (Как он может так часто нас хвалить, не боясь девальвировать свое мнение на фоне подчас скромных достижений кафедры? Видимо, это должно заставить нас быстрее оправдывать его ожидания.) Ему хочется, чтобы в «стране непрофессионалов» Вышка была Университетом.

Вместо подписи под семейным портретом

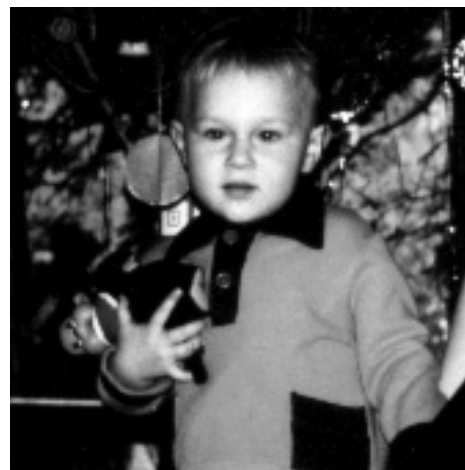
Университет – это место, где ты растешь, когда с твоими аргументами соглашаются более опытные люди, и где незазорно учиться у младших коллег, не говоря уже о студентах.



ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ЗЛАТОУСТОВА

- Родилась в г. Чистополь (ТАССР).
- В 1948 г. закончила Казанский государственный университет; продолжила обучение в аспирантуре Ленинградского государственного университета.
- В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1970 г. – докторскую диссертацию «Фонетические единицы русской речи».
- С 1964 г. – преподаватель филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (проработала на факультете около 50 лет).
- Член Международной комиссии по фонетике и фонологии, Президиума Всероссийского Акустического общества, Комиссии по фонетике и фонологии при РАН; член специализированных советов по теоретической и прикладной лингвистике.
- Член редколлегии реферативного журнала «Общественные науки в России» (серия «Языкознание»).
- Автор более 200 научных работ, в том числе шести монографий.
- Основные работы: «Фонетическая структура слова в потоке речи» (1962), «Фонетические единицы русской речи» (1981), «Русская просодия в стихе и пении» (2002).
- Награждена медалью «Ветеран труда», удостоена нагрудного знака Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» и почетного звания «Заслуженный профессор МГУ».

ИРИНА ЕФИМЕНКО О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Любовь Владимировна Златоустова:
Вкус к науке и жизни

Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, широко известный – и не только в узких кругах, – фактически легендарный ОТиПЛ, где мне посчастливилось провести несколько лет своей жизни, богато замечательными, без преувеличения великими учителями во главе с удивительным человеком, солнцем отечественной лингвистики – Александром Евгеньевичем Кибриком. Недавно его не стало, но за много лет своего «правления» он, всегда знавший каждого из нас по имени, сделал для отделения столько, что эти два образа – ОТиПЛ и Кибрик – останутся неразрывно связанными, наверное, навсегда.

Среди таких чудесных учителей была и Любовь Владимировна. Она вела у нас один из обязательных предметов, фонетику, но познакомились мы с ней до этого. В самом начале первого курса, когда было еще в общем-то не положено посещать спецсеминары, мне рассказали о некоем предмете с загадочным названием – лингвокриминалистика.

Название интриговало, и мы пошли посмотреть, что же это такое. Курс оказался очень интересным, еще более интересным – преподаватель.

Несмотря на силу притяжения Любви Владимировны, в силу описанных выше особенностей ОТиПла это был не простой выбор. Тем не менее однажды я попросила Любовь Владимировну быть моим научным руководителем – сначала курсовой, затем диплома, диссертации... А криминалистическая тема увлекла настолько, что на третьем курсе я пошла параллельно учиться на юридический факультет МГУ, а затем попала на практику в Экспертно-криминалистический центр МВД.

Любовь и Машка

«...И тогда я подплыла к Машке и сказала: “Маша, зачем тебе гидрофон? Смотри, какая у меня есть красивая ленточка. Давай я отдам тебе ленточку, а ты отдашь мне гидрофон”. Машка описала вокруг меня несколько кругов, затем подплыла, отдала гидрофон (мы все с облегчением вздохнули, поскольку этот прибор стоил огромных денег), забрала у меня ленточку и уплыла...»

Любовь Владимировна улыбается, вспоминая истории о своей работе с боевыми дельфинами, «речь» которых она изучала много лет, а мы слушаем, раскрыв рот. Дельфины – это не как другие животные, которые работают «за награду». Дельфины выполняют то, о чем их просят, поскольку это challenge, потому что им интересно суметь сделать правильно. И как только они понимают, что выполнили все как надо, им становится скучно. А ученым нужна статистика, и они пытаются заставить дельфина работать снова и снова. Это и рассердило Машку, которая решила покончить с занудством своих коллег-людей и просто отгрызла гидрофон, тем самым лишив исследователей основного инструмента.

Брокгауз и Ефрон

С ней всегда было увлекательно разговаривать, и не только на профессиональные темы. Однажды она рассказала, как в самом что ни на есть юном возрасте они со старшим братом осваивали «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона – можно сказать, учились по нему читать. Тайком «выкрадывали» его в родительском книжном шкафу и изучали. Не здесь ли истоки ее разносторонности и энциклопедизма? Любовь Владимировна рассказывала нам о своей семье: ее мать была филологом, а отец возглавлял работу по ликвидации безграмотности в ТАССР, преподавал в Казанском государственном университете, а затем был руководителем отдела электрификации Госплана Татарстана. Помню, мы обсуждали на занятиях, как мало в Москве осталось коренных, в нескольких поколениях, москвичей. По заданию Любви Владимировны я специально отправлялась в Замоскворечье, чтобы искать их, записывать их речь и изучать ее особенности. А когда потом меня спрашивали, знакома ли я лично с кем-то из тех самых «настоящих», с кем-то из старой московской интеллигенции, я всегда уверенно отвечала: да, с Любовью Владимировной Златоустовой. И лишь потом вспоминала, что родилась она в Чистополе, а заканчивала Казанский государственный университет.

Лыжи и Волга

«Ира, хочу с вами посоветоваться. Еду в профилакторий, вот думаю: лыжи с собой брать или там дадут? Ой, смотрите, а как вам моя новая юбка?» В свои восемьдесят с небольшим Любовь Владимировна, как всегда, хороша собой. Стильная укладка, легкий макияж – и, конечно, куда же без каблучков? Все это подобрано так, что вместе производит замечательное впечатление достоинства и элегантности. Понятию «интеллигент» (видимо, речь идет как о московских, так и об остальных) словарь Ушакова забавным образом дает, среди прочего, такое толкование: «Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями». Определение спорное, во всяком случае для нее. Сильная, мужественная, полная оптимизма (несмотря на то что часто у нее и ее близких жизнь складывалась очень и очень непросто), в юности она переплывала Волгу.

Святые и грешники

В роду у Златоустовых фактически все обладали или талантом к живописи, или слухом, близким к абсолютному, или и тем и другим. Остальные таланты носили более индивидуальный характер. А в жизни все это воплощалось очень по-разному, но всегда небанально. Так, брат Любви Владимировны был известным специалистом по авиации, заведовал кафедрой в КАИ, а позже принял постриг и стал игуменом Раифского монастыря под Казанью. Он пишет иконы, прекрасно разбирается в музыке самых разных направлений и жанров и является одним из основателей детского приюта при монастыре. Там кроме основ православия преподают дисциплины естественного и гуманитарного цикла, информатику, проводят музыкальные вечера. В 2006 г. впервые за всю историю обители было совершено пострижение в схиму, и одним из схимников стал игумен Филарет (с этого момента – Сергей) Златоустов. Не так давно, во время одной из конференций в Казани, нам с коллегами удалось разыскать его в монастыре.

Он принял нас очень тепло, несмотря на то что визит был неожиданным. И несмотря на свой почтенный возраст: ведь схиигумен Златоустов – старший брат профессора Златоустовой. Но какой это был живой, молодой, светлый взгляд, какая прекрасная беседа...

Таланты Любви Владимировны реализовались в ее выдающихся достижениях в акустической и перцептивной фонетике, сопоставительной фонетике языков разного строя, изучении эмоций в звучащей речи, фонетике певческой речи, автоматическом распознавании и лингвистической экспертизе речи, разработке компьютерных учебников. Она стала первооткрывателем целого ряда направлений в современной лингвистике, в частности одним из основателей лингвистической криминалистики. Благодаря ее энергии в МГУ были созданы лаборатория фонетики и речевой коммуникации, уникальное отделение лингвокриминалистики. Любовь Владимировна участвовала в роли эксперта в немалом количестве реальных судебных дел. О некоторых из них она рассказывала нам, о других говорить было неуместно. Осваивая просторы лингвистической криминалистики, мы, ее ученики, тоже сталкивались с самыми различными ситуациями. Помню, как быстро я убежала от одного из своих «информантов», когда собирала материал для базы звучащей русской речи...

Фундамент и здание

Конечно, у нас был коллектив, свое сообщество, в которое входили, с одной стороны, студенты и аспиранты ОТиПЛа, а иногда и других отделений и факультетов МГУ, с другой – «внешние» люди, например эксперты-практики, часто тоже бывшие ученики Любви Владимировны. Но для меня это были прежде всего личные отношения. Она всегда предоставляла нам значительную свободу и в выборе тем исследования, и в реализации задуманного. Защитив диплом по проблеме идентификации диктора в случае аппаратурных искажений голоса и поступив в аспирантуру с темой, посвященной

исследованию просодии, уже в первый год я радикально поменяла ее на «Модель времени в системах извлечения информации из письменного дискурса», и с тех пор область моих интересов связана с семантическими технологиями, инженерией знаний, информационно-аналитическими системами. Несмотря на то что эта сфера не относилась к основным научным интересам Любви Владимировны, ее советы и мягкая, ненавязчивая манера руководства были незаменимы и здесь.

Так от изучения базового уровня языковой структуры, фонетики, я перешла к исследованиям и разработкам в области семантики, прагматики, дискурса. И «за пределами» лингвистики. В общем, это очень в стиле Любви Владимировны: ее семинары всегда были посвящены исследованиям на стыке наук. Здесь были и лингвистика, и физика, и юриспруденция.

Но лингвистическая криминалистика осталась первой любовью. Как и зажигательная, многогранная Любовь Владимировна, которой, увы, уже нет в этом мире. Как ее улыбка. Как ее элегантность и интеллектуальный аристократизм. Для всех, кого она воспитала, для ее учеников и коллег, она навсегда останется человеком, полным жизни. Благодаря ее семинарам, ее рассказам «о разном», знакомству – через нее – со специалистами-практиками многие из нас впервые ощутили вкус к науке, к прикладным, междисциплинарным исследованиям, пришли к осознанию того, что научная деятельность может быть вписана в общий контекст жизни, что она не должна быть оторвана от остального, так же, как (вспомним игумена Филарета) «нельзя быть христианином только по воскресеньям».

Это, пожалуй, и есть то главное, чему мы учимся у наших учителей. Меняется жизнь, мы приходим в новые университеты, которые становятся любимыми, трансформируются области научных интересов, но первая любовь, на которой строится здание последующей судьбы, остается.

Как основа всего. Как фонетика для лингвистики.



АСКОЛЬД ГЕОРГИЕВИЧ ХОВАНСКИЙ

- Родился в Москве.
- В 1970 г. окончил механико-математический факультет МГУ по специальности «Математика».
- В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «О представимости функций в квадратурах» (руководитель – В.И. Арнольд), в 1988 г. – докторскую диссертацию «Многогранники Ньютона и малочлены».
- В 1973–1976 гг. – младший научный сотрудник Института прикладной математики АН СССР.
- Сотрудник Института системного анализа РАН (с 1976 г.).
- Один из создателей, профессор Независимого московского университета (с 1991 г.).
- Профессор Университета Торонто (с 1995 г.).
- Член правления Московского математического общества, член Попечительского совета Московского центра непрерывного математического образования.
- Член редколлегии журналов «Успехи математических наук», «Moscow Mathematical Journal» и «Functional Analysis and Other Mathematics».
- Автор более 130 публикаций по чистой и прикладной математике.
- Основные работы: «Малочлены» (1997), «Теория Галуа, накрытия и римановы поверхности» (2007), «Топологическая теория Галуа. Разрешимость и неразрешимость уравнений в конечном виде» (2008).

ВЛАДЛЕН ТИМОРИН

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Аскольд Георгиевич Хованский: Идеальный математик

Аскольд Георгиевич Хованский для меня не просто научный руководитель. Он воплощает мой идеал математика. Конечно, есть некоторые аспекты человеческой деятельности, в которых он не идеален. Но он идеален как математик. Он говорит о науке с заразительным увлечением – дух захватывает. Есть люди, которые занимаются математикой лишь потому, что не могут без этого жить. И всем, кто видит Хованского, с первого взгляда становится ясно, что он принадлежит к числу таких людей. Он не устает восхищаться красотой математики. Это восхищение выражается жестами, мимикой, этим восхищением наполнено каждое его слово.

Во всем дойти до самой сути

Будучи студентом МГУ, по вечерам я учился в Независимом московском университете, где впервые и встретил Хованского. Там небольшое число сильных студентов общались почти индивидуально с преподавателями, среди

которых были довольно знаменитые математики. Хованский вел анализ, но лекций почти не было – были беседы и обсуждение задач. Задачи были несложные, но они, как по ступенькам, вели к глубоким результатам. Я довольно скоро понял, что хочу стать учеником Аскольда Георгиевича. Начал с ним заниматься. Мы беседовали часами, я ездил к нему на дачу с ночевками. Огромная часть того, что я понимаю в математике, пришла именно из этих бесед. Они были гораздо полезней, чем книги или даже лекции, потому что в книгах и на лекциях объясняют теоремы и доказательства, в которых много шелухи, а Хованский объяснял только самую суть. Именно так я по-настоящему понял многое из того, что давно уже считал пройденным. К сожалению, современное изложение математики часто устроено так: строится теория, оптимизированная по количеству слов. Сначала вводятся определения, потом доказываются десятки утверждений, из которых одно или два – в сотни и тысячи раз глубже остальных. Но это незаметно. Их доказательства столь же коротки, как и доказательства остальных утверждений, так как ключевые идеи, гениальные догадки математиков прошлого введены вместе с определениями на том этапе, когда их глубину невозможно оценить.

Я думал, что понимаю эти доказательства, а на самом деле даже не понимал, в каких местах доказательств кроются ключевые идеи. Аскольд Георгиевич научил меня копать глубже, отличать настоящее, глубокое понимание от поверхностного.

Мы активно общались зимой и летом, а остальное время Хованский был в Торонто, а я в Москве. Дело в том, что, как раз тогда, когда я стал учеником Аскольда Георгиевича, Университет Торонто предложил ему постоянную профессорскую позицию, которая, в отличие от предыдущих контрактов, обязывала его проводить оба семестра там. Впрочем, каждый семестр длился по три месяца, и так получалось, что в сумме Хованский проводил столько же времени в Москве, сколько и в Торонто. Аскольд Георгиевич предложил, чтобы я по окончании мехмата поступил в аспирантуру Университета Торонто, на что я согласился без колебаний. Пока же мы работали неформально. Будь то у него дома или на даче, мы обсуждали математику и за письменным столом, и за обеденным, и во время прогулок.

Князя и математики

Разговоры велись не только о математике. Я услышал множество увлекательных историй о князьях Хованских, родственниках Аскольда Георгиевича, тех самых, про которых «Хованщина». Аскольд – прямой потомок князя литовского Гедимина, эта прямая мужская линия включает зятя Дмитрия Донского и идет через плеяду замечательных персонажей российской истории. В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» (1798) герб князей Хованских указан самым первым. Правда, в те времена Гедимин считался прямым потомком Рюрика. Я сам увлекся математикой с детства – мой папа решал со мной занимательные задачи. Но мои родители и все родственники, которых я знаю (впрочем, я мало кого знаю из своих дальних родственников, не то что Аскольд Георгиевич), не занимаются наукой. Поэтому мне было очень интересно наблюдать большую, по моим меркам просто огромную, семью,

да еще почти целиком состоящую из математиков. И знаменитый Александр Михайлович Ляпунов, автор «устойчивости по Ляпунову», и Алексей Андреевич Ляпунов, основоположник советской кибернетики, – предки Аскольда по матери. Отец Аскольда, Георгий Сергеевич Хованский, занимался номографией, геометрическим разделом прикладной математики, игравшим важную роль в середине прошлого века. Я познакомился с дочерью Аскольда Георгиевича и его зятем, их маленькими детишками Саней и Петей. Вся большая семья воспринимала меня как своего.

Интересно отметить, на примере этой семьи, притягательную силу Вышки: дочь Аскольда, Ирина Хованская, уже много лет работает на общеуниверситетской кафедре математики, а в настоящее время преподает в совместном бакалавриате РЭШ и НИУ ВШЭ. Саня Пушкарь, дочь Ирины и внучка Аскольда Георгиевича, защитила в прошлом году диплом на факультете математики под моим руководством. Петя Пушкарь-младший заканчивает бакалавриат в этом году, тоже работает со мной. Петр Пушкарь-старший, отец Сани и Пети, – мой коллега по факультету. Сам Аскольд Георгиевич приезжал к нам на факультет и прочел интенсивный курс. Хотя он и не работает в Вышке, он очень тесно с нами связан.

Торонто

В аспирантуре Университета Торонто я проучился четыре года. В течение первого года в Торонто Аскольд Георгиевич мне очень помогал, а когда я заболел (подхватил воспаление легких из-за центральной системы кондиционирования аспирантского общежития), насильно перевез меня к себе домой и ухаживал за мной. Мне было тяжело в новой обстановке, я впервые жил один. На второй год моя любимая девушка стала моей женой и приехала в Торонто, стала учиться в аспирантуре, как и я (она тоже математик). Мы сняли квартиру в специальном общежитии для семейных аспирантов, принадлежавшем университету. На эти квартиры большая очередь, но я ее занял еще примерно за год до этого.

Торонто – прекрасный город. В нем живут веселые и дружелюбные люди всех рас и национальностей, в нем говорят на всех языках, но все друг друга понимают, и здесь никогда не чувствуешь себя чужим. Наше общение находилось на пересечении двух главных улиц города. Под окнами проходил ежегодный Торонтский кинофестиваль, и мы смотрели на кинозвезд с высоты двадцатого этажа. Из этих же окон открывался захватывающий вид на небоскребы. Из неприятного: когда побеждала хоккейная команда Maple Leaves, заснуть было невозможно.

В Университете Торонто Хованский вел научный семинар. Семинар небольшой по числу участников, большинство из которых – ученики Аскольда Георгиевича. Мы обсуждали интересные задачи, делились идеями и свежими результатами, иногда просто что-то изучали. Мы занимались проблемами из разных областей математики и при этом активно интересовались не только своей областью, но и всем, чем были заняты остальные участники. Семинар существует и сейчас, он постоянно пополняется молодыми участниками.

Еще в Москве я написал несколько работ про геометрию и комбинаторику выпуклых многогранников. Аскольда Георгиевича эти сюжеты интересовали в связи с теорией многогранников Ньютона. Теория многогранников Ньютона, в значительной степени разработанная Хованским, устанавливает замечательные связи между алгебраической геометрией и выпуклой геометрией. Эти связи полезны для обеих областей. В Торонто я заинтересовался совсем другим сюжетом – геометрической задачей про окружности и прямые в многомерных пространствах (кстати, этот сюжет идейно связан с работами Г.С. Хованского, отца Аскольда Георгиевича). Я решил заняться этим сюжетом. В результате по окончании аспирантуры у меня было два цикла работ. Торонтский цикл я защитил как диссертацию в Торонто, а московский цикл – как кандидатскую диссертацию в Москве.

Все гениальное просто

Я не буду перечислять те направления математики, в которых вклад Хованского заметен, и уж тем более не буду формулировать его результаты. Но расскажу про некоторые их общие свойства. Главное свойство – простота. Хованский никогда не останавливается на первом найденном доказательстве, потому что придумать какое-нибудь доказательство – еще не значит до конца понять, что происходит. Когда же полное понимание достигнуто, все становится почти очевидным. В нашем мире далеко не каждый математик может позволить себе доводить свои результаты до очевидности. Во-первых, на это тратится время. Во-вторых, читатели могут не оценить глубину результата. Так часто и происходит – о глубине результата судят по технической сложности доказательства. В-третьих, это уменьшает число публикаций. Если сначала все продумать до самой сути, а потом записать, то получится не десять статей, а одна. Но только такие работы могут пережить века.

«Простота» и «наглядность» часто воспринимаются как синонимы, но они могут иметь разную природу. Логическая простота связана со словесным описанием, а геометрическая простота, наглядность – со зрительным образом. Простой зрительный образ не всегда бывает легко описать словами. Во всех работах Хованского зрительный образ играет важную роль.

В любой профессии, как говорит Аскольд Георгиевич, важно делать свое дело хорошо. Только в этом случае оно приносит удовлетворение и радость. Конечно, всегда можно схалтурить, но вот только удовольствия от этого не получишь! Аскольду Георгиевичу занятия математикой всегда приносили и приносят огромное удовольствие.

Недавно прошла конференция, посвященная 65-летию Аскольда Георгиевича Хованского. Конференция называлась «Алгебра и геометрия», причем оба предмета понимались в самом широком смысле. Более узко интересы Аскольда Георгиевича описать нельзя.



ИГОРЬ АПОЛЛОНИЕВИЧ ЧЕРНОВ

- Родился в г. Тарту.
- В 1966 г. окончил Отделение русского языка и литературы Института славяноведения (Москва).
- В 1975 г. защитил под руководством Ю.М. Лотмана кандидатскую диссертацию «Литературная культура русского барокко (пути и методы изучения)».
- 1988–1991 гг. – заведующий Отделом литературы Института языка и литературы Эстонской Академии наук.
- 1992–1997 гг.- заведующий Отделением семиотики, ординарный профессор (с 1992 г.) Тартуского университета.
- 1964–1974 гг. – участник и организатор летних школ по вторичным моделирующим системам.
- 1964–1992 гг. – член редколлегии издания «Труды по знаковым системам».
- Автор новаторской концепции русского барокко, изложенной в кандидатской диссертации (1975) и спецкурсе «Из лекций по теоретическому литературоведению» (1976).
- Автор курсов по теории литературы и фольклора, семиотике интерпретации.

ЯН ЛЕВЧЕНКО О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Игорь Аполлониевич Чернов: Сын
Аполлония, тартуская энигма

(Не)далеко от Москвы

Точно не помню, откуда взялась идея поступать на журфак МГУ, но классу к десятому я уже усвоил совет набирать публикации для творческого конкурса. О его существовании я услышал в гостях у школьного друга, чей отец работал в «Советской Эстонии» и когда-то дружил с Сергеем Довлатовым. Я писал о слете школьных военруков, наборе в ПТУ и местных русскоязычных рок-группах, которые, конечно, бесконечно уступали эстонцам в технике, но идейно равнялись на андеграунд соседнего Ленинграда. Завуч по внеклассной работе, могучая брюнетка с офицерским званием, пару раз намекала, что надо бы вступить в комсомол. Иначе было не попасть в республиканскую квоту, а на общих основаниях я отсеивался уже по среднему баллу аттестата. Проблема сама собой решилась, когда в последнем классе я начал заниматься у репетитора по русскому языку и литературе. Ее звали Ирина Григорьевна Эрбсен, она была накоротке с Зарой Григорьевной Минц,

профессором Тартуского университета и женой Юрия Михайловича Лотмана, о котором я также ничего не знал. Ирина высмеяла «никчемное» журналистское образование. «Оно захотело столичной карьеры! – Ее голос а-ля Фаина Раневская разносился, как из матюгальника. – И это когда рядом процветает ведущая филологическая школа нашей страны!» Я плохо понимал, что значит «филологическая» и конфузился. Выбор был сделан. Отец расстроился. Мать, напротив, приободрилась: ведь Тарту – это все-таки наша маленькая Эстония, а не чужая огромная Россия!

Воспитание научных интересов

Ирина выдрессировала меня, дай бог каждому. Я поступил с максимальным баллом. Аттестат с шестью тройками был прочно забыт. Начинались новые либеральные времена. Их яркими свидетельствами были концерт Jethro Tull на Певческом поле в Таллинне и отмена выезда на картошку, путч в Москве и бетонные глыбы вокруг здания эстонского радио, новое тартуское пиво «Александр» и провозглашение независимой республики.

Август 1991 г. был безумным. Начало занятий на его фоне как-то смазлось. Необходимость партизанить в общежитии, где не было мест, антисанитария, жирные клопы, отвратительная еда в столовой «Темпо» и угроза банкротства после первой пьянки – не помню, как я из этого выпутался. Античную литературу читал доцент Унт (все звали его «Полярный»), обнаруживая невинный шовинизм), введение в литературоведение – Роман Лейбов, уже культовый препод, но еще не отец Рунета, фольклор – Игорь Аполлониевич Чернов. Он тут же запомнился диким отчеством, сиплым голосом, алым пиджаком и подкупающей бесцеремонностью. «Вот это что? – интересовался он, схватив за ожерелье девицу с первой парты. – Это культура?» Леви-Брюль и Леви-Стросс, Малиновский и Мосс... Читали, впрочем, «Нечистую силу» Максимова как самую понятную. К чему все это было? Я и сейчас не знаю, кому была адресована культурная антропология на первом курсе традиционного филфака. Меня как человека поверхностного завораживал артистизм Аполонича, его мощный юмор и амплитуда мгновенных реакций. Вдобавок он страшно пил, что в моих тогдашних наивных глазах прибавляло демонизма.

Когда речь зашла о том, к кому идти в семинар, сомнений не было. Мне хотелось писать о том, что я любил и, как хотелось надеяться, неплохо знал. «Я буду писать курсовую работу о роке...» – пискнул я на первой встрече. «Кто это – Рокке?» – важно переспросил Аполонич. Я смешался. С музыкой как объектом исследования было покончено. Аполонич не был каким-то мракобесом, он цитировал на лекциях битлов и носил ботинки с металлическими бляхами, что для советского доцента со знанием английского даже в либеральной Эстонии было весьма. Но я смутно представлял себе, как описывать рок-культуру, а мой будущий руководитель как раз набирал семинар по составлению словаря Тартуско-московской семиотической школы. Мне достались разделы «Общие проблемы семиотического описания» и «Семиотика культуры». Вскоре я понял, что это главные темы словаря, а еще через какое-то время остался один в проекте, о чем позже.

Роман с семиотикой

Словарь был шансом Аполонича войти в историю. Вся жизнь он был в тени своего великого учителя – Юрия Михайловича Лотмана: помогал в организации первых летних школ по семиотике; переводил американские книжки из спецхрана, чтобы с ними мог работать германоязычный учитель; урывками писал о случайных вещах от издательства «Алконост» до семиотики запретов; защитил диссертацию по русскому барокко, но много этой темой не занимался; выпустил крамольную, на вкус 1970-х, подборку русских формалистов с тезаурусом их основных понятий, но продолжать дело не стал, хотя на обложке хрестоматии было заявлено: «Часть первая». За всем этим стояла глубокая личная драма, анализировать которую я не имею ни желания, ни сколько-нибудь веских оснований. Это безошибочно чувствовалось, случайно проговаривалось во внешне пустяковых замечаниях, внезапно осевшей фигуре и рассеянном взгляде, в ауре глубокого одиночества, которая сопровождала моего наставника с его прекрасным портфелем, вальяжным плащом, элегантными очками. Первые два года Аполонич смотрел мимо, даже если я что-то пытался говорить. На четвертом курсе я по техническим причинам перешел к другому руководителю, которая сделала для меня гораздо больше, чем Аполонич. Он оставался моим кумиром, а мы продолжали делать словарь, хотя всем было понятно, что затея, мягко говоря, непродуманная. Я порядком читал исследований по терминологической лексикографии и все более убеждался в том, что мы движемся вслепую. Идея Аполонича заключалась в том, чтобы извлечь из корпуса опубликованных в Тарту 25 томов «Трудов по знаковым системам» термины с авторскими дефинициями. Он хорошо понимал, что после безвременной смерти Лотмана в 1993 г. тартуская гуманитарная среда вступает в новый период своего бытования. Словарь должен был закрыть эпоху, обозначив переход к новому времени. Но для закрытия не было ни концептуальных, ни человеческих ресурсов.

Основанная по инициативе самого Лотмана кафедра семиотики оказалась в «контрах» с кафедрой русской литературы. Неразличимость истории русской культуры и семиотики в биографии основателя изначально ставила под сомнение

необходимость отдельной институции. Литераторы не скрывали иронии, ведь на новую кафедру ушли те, кто всю жизнь занимался теорией литературы, окончательно дискредитировавшей себя в советские годы. Лотман умер, а кто эти люди? Они такие же, как мы, просто увлеклись посторонними вещами. Настоящее дело – эмиграция в XIX в., как завещал нам Юрий Михайлович своими «Беседами о русской культуре»! Между тем амбиции Аполонича были очевидны: оторваться от харизмы учителя, и если не реализовать самому, то дать такую возможность другим. Преподавать на эстонском, сменить место, имидж и, если получится, методологию. Копировальные машины, факсимильные аппараты, солидные лампы и дорожные комплекты энциклопедического словаря по семиотике под редакцией Томаса Альберта Себеока были куплены под залог памяти о Лотмане, чьим дистрибьютором оказался он, Аполонич. «Это все потому, что я такой charming», – говорил заведующий новой кафедрой, любовно похлопывая только что распакованную кофеварку.

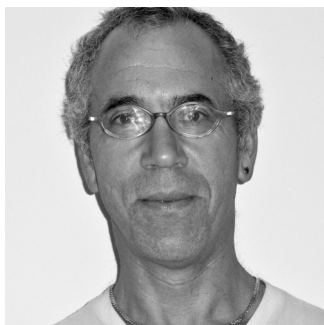
Мои однокурсники, работавшие над словарем, защитили свои дипломы и стерлись с горизонта. Одну я встретил за тасованием карточек в музее эстонской литературы, другой был случайно запеленгован на рубеже столетий в Твери в качестве работника пивного завода «Афанасий». Я учился в магистратуре и начинал заниматься формалистами. Все материалы к словарю разной степени убогости скопились у меня, чтобы выйти наконец в 1999 г., когда Аполонич уже не работал в Тарту, проиграв конкурс на заведование кафедрой. Все было, наверное, справедливо. Он давно ничего не писал. До своего отъезда в новую жизнь, которая продолжается до сих пор недалеко от Эстонии, мой учитель успел устроить в 1995 г. Летнюю школу молодого семиотика, на которой я познакомился с антропологом Ильей Утехиным, впоследствии профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге. Его влияние на меня, как и мою к нему благодарность, невозможно измерить. В 1996 г. я поехал к нему в гости, а заодно на студенческую конференцию, где познакомился со своей первой женой. Аполонич сказал, что уезжать пока рано. «Поживите вдвоем в Тарту – там видно будет». Понимая легкомысленность своего прогноза, Аполонич вписал меня в грант на издание словаря и ежемесячно выдавал доллары.

На фоне ранней смерти отца и вечного безденежья мне до слез памятен электрочайник, купленный на первые грантовые деньги.

Прочь от истории

В 1997 г., который оказался последним благополучным годом Аполонича-начальника, мы поехали большим кагалом в Иматру на семиотический конгресс. Там я впервые узнал, что являюсь «мистером Левиценко», могу плавать в озере Сайма с классиком венгерской семиотики Вильможем Фойтом, а за обедом – нагло подсесть к немецкому профессору Оге Ханзену-Леве, чью книгу жутких размеров благоговейно цитировал в нескольких местах магистерской работы. Аполонич советовал: «Вы напрасно не берете ничего с собой в номер. У них же до фига остается!» Колумбийские коллеги, надо сказать, меньше парились и носили с собой на обед пакеты с логотипом супермаркета «Призма», которые потом бугрились и подтекали на секционных заседаниях. Свой первый доклад на английском языке я правил вместе с учителем в его номере прямо над гранитным руслом знаменитого водопада. «Скажите еще раз ‘towards’! – кипятился Аполонич. – Вас никто не поймет, это не советская школа!»

Через год мы виделись в последний раз, долго гуляли по ветреной Площади Свободы недалеко от его таллиннской квартиры, пили кофе в бывшем кафе «Москва» в доме (бывшего?) Союза художников. Аполонич говорил, что ни на кого не держит зла и рад расстаться с кафедрой. Вряд ли он мог просить меня о чем-то, но я понял, что словарь надо издавать. В итоге мне навязали соавтора, не имевшего к делу никакого отношения, и мне стыдно перед учителем. Почему я все еще зову его так? Он научил меня не относиться всерьез к самому себе. Вероятно, это препятствует подлинным прорывам, но и предохраняет от пошлости. Он научил меня смеяться, чтобы не расплакаться, потому что мир этого не оценит. А еще я твердо знаю, что жизнь больше и важнее науки. Аполонич сказал меньше, чем мог. Он позволил себе расхотеть. И мне безразлично, жалеет ли он об этом. Ведь тайна – она важнее успеха.

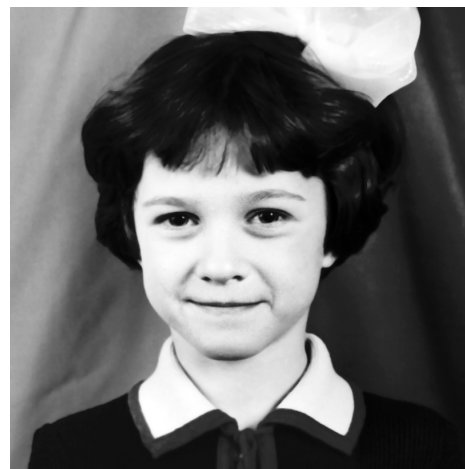


РАССЕЛ КУПЕР
RUSSELL W. COOPER

- Родился в 1955 г.
- В 1982 г. получил степень PhD по экономике (Университет Пенсильвании), защитив диссертацию «Сочинения по экономике асимметричной информации» под руководством Костаса Азариадиса (Costas Azariadis).
- 1982–1985 гг. – сотрудник Йельского университета.
- 2009–2011 гг. – профессор Техасского университета в г. Остин (University of Texas at Austin).
- В разные годы был приглашенным профессором университетов Бостона (Boston University), Айовы (University of Iowa) и других университетов мира.
- Профессор Института Европейского университета (European University Institute) во Флоренции.
- Профессор Пенсильванского государственного университета (Pennsylvania State University).
- Автор более 140 публикаций, в том числе на пяти иностранных языках.
- Основные работы: «Coordination Games: Complementarities and Macroeconomics» (1998), «Dynamic Economics: Quantitative Methods and Applications» (в соавторстве с Джеромом Абба, 2003).

АННА ЮРКО

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Рассел Купер: Ученый, учитель, энтузиаст и немного хиппи

Почему Купер?

Мое обучение по программе PhD по экономике в Техасском университете в г. Остине началось в августе 2003 г. За несколько месяцев до этого Расселу Куперу, в то время профессору экономики в Бостонском университете, предложили должность профессора и декана факультета экономики в Университете Остина. Купер принял это предложение и поменял холодный Бостон на солнечный Остин. Это решение изменило не только его жизнь, но и мою, а также жизнь еще нескольких десятков студентов программы PhD, период обучения которых совпал со временем его пребывания в Остине.

Как известно, для достижения успеха в творческой сфере деятельности требуются огромная любовь к своему делу и меньших размеров трудолюбие. У Купера они есть. Его любовь к экономике, к любым темам и вопросам, связанным с ней, и неизменная готовность их обсуждать – первое, что приходит мне в голову при упоминании его имени.

Второе – хипповатый вид и увлечение велоспортом. Меня и моих соучеников привлекли под крыло научного руководства Купера его энтузиазм и отношение к экономике как богатому инструментарию для познания мира. Мое первое знакомство с Купером состоялось на его лекциях по макроэкономике. До этого времени макроэкономика не была в списке моих любимых областей, я планировала стать микроэкономистом и специализироваться в области поведенческой экономики. Но Купер не только талантливый ученый, но и прекрасный преподаватель. В его изложении макроэкономика оказалась самым интересным предметом, а сложности инструментария и монументальность задач – творческими вызовами.

Ученый и организатор

Большинство научных работ Рассела Купера посвящены макроэкономическим темам. В его последних статьях исследуются проблемы регионального долга в монетарных союзах и фискальных объединениях, влияние издержек по изменению количества факторов производства на агрегированные экономические показатели.

Но он принадлежит к довольно редкой породе экономистов, которые в списке своих научных интересов указывают макроэкономику рядом с теорией отраслевых рынков. Купер вообще не видит большого смысла в проведении жестких границ между макро- и микроэкономическими исследованиями. Его научный подход заключается в постановке интересного вопроса, формулировке задачи и выборе наиболее подходящего инструмента из всего арсенала профессионального экономиста, микро или макро, для поиска решения. Вопрос, получение нового знания – первичны, а как экономист он очень любопытен и на протяжении своей длинной карьеры интересовался множеством вопросов как из области микроэкономики, так и из области макроэкономики. В обширном списке его научных работ есть статья о том, как программа выплаты субсидий владельцам старых автомобилей на утилизацию их машин и покупку новых влияет на продажи новых автомобилей в краткосрочном и долгосрочном периоде. Его более ранние работы посвящены проблемам ценообразования и выбора качества товаров в условиях асимметричной информации. Купер писал о страховых контрактах и товарных гарантиях. Он написал несколько статей и книгу по координационным играм и их приложениям в макроэкономике. Студенты ведущих программ PhD по экономике изучают динамические структурные эконометрические модели по его книге «Dynamic Economics: Quantitative Methods and Applications», написанной в соавторстве с Джеромом Адда (Jerome Adda). А с недавнего времени (с 2011 г.) у студентов бакалаврских программ появилась возможность изучать основы экономики по учебникам Купера и Эндрю Джона (Andrew John) «Микроэкономика: теория через приложения» и «Макроэкономика: теория через приложения».

В Остине Купер собрал команду экономистов со схожими профессиональными ценностями и интересами. На решение Купера переехать в Остин, несомненно, повлияло то, что незадолго до этого там начал работать его друг и коллега макроэкономист Дин Корбэ (Dean Corbae).

В остинской команде макроэкономистов также уже состоял Бурхан Куруску (Burhan Kuruscu, сейчас профессор в Университете Торонто). Под руководством Купера на работу в Техасский университет были приглашены несколько молодых ученых, в том числе Эухенио Мираветэ (Eugenio J. Miravete, прикладная экономика и промышленная организация), Ким Рул (Kim Ruhl, макроэкономика, сейчас профессор Нью-Йоркского университета), Фати Гувенен (Fatih Guvenen, сейчас профессор Университета Миннесоты) и др. Эти ученые публикуются в ведущих мировых журналах и являются известнейшими специалистами в своих областях. На факультете при Купере сформировалась очень динамичная, активная и интересная команда исследователей и преподавателей. У студентов программы PhD были прекрасные возможности для профессионального роста.

Наставник

На Купера был самый большой спрос как на научного руководителя, и он почти никому не отказывал. В мой выпускной год диссертации защитили чуть больше двадцати докторантов. Примерно у трети он был научным руководителем и еще у трети – членом диссертационной комиссии. Под руководством других профессоров защищались в среднем один-два студента в год. При его активной научной и преподавательской деятельности, огромной административной нагрузке даже трудно представить, что можно еще и продуктивно руководить таким количеством студентов.

С Купером можно было встретиться и поговорить о своей работе два раза в неделю. У него был один приемный час в неделю в его офисе. Еще раз в неделю можно было присоединиться к нему в местном кафе, где он пил свой кофе с 8 до 9 утра. Желających всегда было много, поэтому студенты стали записываться в очередь. В начале каждой недели кто-нибудь вешал на дверь офиса Купера листочек бумаги для самозаписи на прием.

Каждому для общения с Купером отводилось 10–15 минут. Естественно, за советом и помощью можно было обращаться к другим преподавателям и членам своей диссертационной комиссии, чем мы, студенты, активно пользовались. Но и более длительное общение с другими профессорами, как правило, оказывалось менее полезным, чем всего десять минут с Купером. И в этом у него тоже дар: быстро увидеть суть проблемы и направить в нужное русло.

Стиль общения Купера столь же прост и неформален, как и его внешний вид. В жарком Остине и на лекции, и на официальные мероприятия он являлся в футболке, шортах и кроксах. Его почти никто не называет профессором Купером; из всех обращений он предпочитает просто Купер.

Рассел Купер оказал большое влияние на профессиональное развитие и формирование научного мировоззрения у меня и моих однокурсников. Он был преподавателем у всех нас, у большинства – научным руководителем или членом диссертационной комиссии. У многих из нас прежде всего благодаря ему сформировался научный образ мышления, возник интерес к определенным научным областям, к методологии динамического программирования и структурной эконометрики. На базе этой общности у нас, студентов Купера, сложилась своя команда.

Мы проводили мини-семинары, обсуждали работы друг друга и давали советы. Наконец, мы просто дружили. Эта дружба продолжается и сейчас, мы переписываемся и перезваниваемся, держим друг друга в курсе своих дел, скучаем и мечтаем встретиться. Опыт этого общения, совместной работы с коллегами, возможно, самое ценное, что я приобрела в нагрузку к полученным профессиональным знаниям и навыкам, будучи студенткой программы PhD в Остине под руководством Купера. И его я принесла с собой в ВШЭ.

Я охотно кооперируюсь с коллегами для достижения научных результатов, стараюсь перенести сюда тот стиль и принципы отношений, которые так мне импонировали во время обучения в Остине. А в отношениях со студентами я прямо беру пример с Купера, который для меня был и остается учителем – одним из самых главных учителей в моей жизни.



АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКАРОВ

- Родился в Москве.
- В 1980 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Математика».
- В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Асимптотика распределения критерия Колмогорова–Смирнова в случае сложной гипотезы» (научный руководитель – Ю.Н. Тюрин).
- 1986–2005 гг. – сотрудник НИИ механики МГУ им. М.В. Ломоносова.
- 1994–1998 гг. – ответственный разработчик планирования и анализа результатов маркетинговых кампаний для корпорации «Проктер энд Гэмбл», «Нестле».
- Профессор, заведующий кафедрой высшей математики НИУ ВШЭ (с 2006 г.).
- Научный руководитель коммерческой компании «Русская служба оценки» (с 2010 г.).
- Автор множества публикаций, в том числе на английском языке.
- Основные работы: «Преподавание теории вероятностей и статистики в школе по учебному пособию Ю.Н. Тюрина и др.», «Теория вероятностей и статистика» (в соавторстве с И.В. Яценко, Ю.Н. Тюриным и И.Р. Высоцким, 2009), «Сравнительный анализ результатов кластеризации распределений баллов ЕГЭ по математике в регионах РФ в 2009–2010 гг.» (в соавторстве с Г.И. Симоновой, 2011).
- Кандидат в мастера спорта по бадминтону, многократный победитель первенства вузов по бадминтону.

ДЕНИС СТУКАЛ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



**Алексей Алексеевич Макаров:
Улыбающийся математик**

Герой этого рассказа – математик по профессии и философ в жизни, эрудит, хорошо разбирающийся в истории и философии, наконец, замечательный педагог, «обращающийся в математическую веру» многих гуманитариев.

Чеширский Кот

В начале ноября 2005 г. второй курс политологов Высшей школы экономики пришел на первую лекцию по математической статистике. За плечами осталась неведомо для чего сданная теория вероятностей, впереди – еще один математический бастион, волею руководства факультета сооруженный на пути к получению диплома политолога. Если теорию вероятностей мы покоряли под руководством старого доброго наставника, известного нам еще по курсу алгебры и анализа, – Владимира Симховича Самовола, то математическая статистика приготовила нам сюрприз в виде нового преподавателя – Алексея Алексеевича Макарова.

Смена преподавателя в середине курса – это всегда тревожно и ничего радужного не сулит, поэтому в аудитории перед лекцией чувствовалось напряжение.

В здании Вышки в Кочновском проезде прозвенел звонок, и с легким опозданием в аудиторию вошел высокий, спортивного сложения человек с портфелем. Точнее, вошла улыбка, она поздоровалась и начала рассказ о том, что статистика – это наука о государстве и возникла она как учение о правильном принятии управленческих решений. Потом разговор переключился на финансовый кризис 1998 года и научный семинар, организованный в Администрации Президента, но все эти истории были объединены единой нитью: математической статистикой, к изучению которой мы приступали.

Вообще говоря, лекция была странной. Во-первых, математика у многих из нас ассоциировалась с богиней возмездия Немесидой, карающей за нелюбовь к точным наукам. В том же, что рассказывал лектор, никак не удавалось разглядеть угрозы для себя. Он даже слово «дисперсия» (математическое ожидание квадрата разности, безумная абракадабра, заученная в теории вероятностей) произнес как-то мягко и тут же извинился.

Во-вторых, математика – это испытание, которое нужно выдержать для получения диплома: применять мы ее не будем, но сдать нужно. Мы все это знали, поэтому не очень ожидали, что нас будут убеждать в полезности получаемых знаний. А тут нестрашная и, кажется, полезная математика – полная неожиданность!

После лекции ко мне подошел одногруппник: «Интересные истории он рассказывал. Кто он такой?» – «Алексей Алексеевич Макаров, доцент кафедры высшей математики, – ответил я. – Больше ничего не знаю. Поживем – увидим». Тогда я еще не знал, что из-за этого человека через пять лет буду устраиваться на работу на кафедру высшей математики.

«Мы все учились понемногу...»

С момента успешного окончания курса математической статистики прошло два года, и я, изрядно уставший от поиска ответа на вопрос о том, где граница между суждением обыденного сознания и научным знанием в политологии, решил заняться укреплением инструментальных навыков. В первую очередь хотелось овладеть методами прикладной статистики, получившими широкое применение в эмпирической политологии. И для начала ничего лучше, чем снова прослушать курс Алексея Алексеевича, запомнившегося мне своей открытостью и общительностью, я не придумал.

Однажды на перемене я признался лектору, что уже четверокурсник, а не второкурсник, и получил от удивленного Алексея Алексеевича (к тому времени уже профессора и заведующего кафедрой) предложение в тот же день поехать с ним в другое здание Вышки на более сложный курс прикладной статистики для магистрантов-психологов. Поездка в метро с Алексеем Алексеевичем сыграла решающую роль в моей дальнейшей профессиональной траектории. Имея за спиной не только мехмат, но и богатый опыт

аналитической работы на различные компании в 90-е годы, Алексей Алексеевич оказался кладезем различных историй о том, как применение статистики позволяет повышать эффективность бизнес-стратегий, влияет на принятие политических решений, предотвращает кризисы и пр. Будучи человеком общительным и обстоятельным, некоторые из этих историй он начал мне рассказывать по дороге на Мясницкую. Но, конечно же, не успел закончить – только подогрел интерес и бросил: «Ладно, как-нибудь потом дорасскажу». Естественно, откладывать окончание истории не хотелось, и после лекции я напросился к нему в спутники по дороге домой. К счастью, оказалось, что нам в одну сторону. За одной историей следовала другая: от проблем принятия решений в условиях неопределенности мы перешли к сложностям производства компакт-дисков, а потом – к истории сталинских репрессий. «Неужели он столько знает?» – подумал тогда я. И решил продолжить совместные поездки в метро.

Четыре месяца подряд раз в неделю мы ездили на метро на занятия и обратно. Сложно не только кратко описать все услышанное мною, но даже перечислить все затронутые в разговорах сюжеты. В какой-то момент мне стало не по себе (он ведь математик, статистик – почему он столько знает по истории и философии?) – я стал пытаться поймать Алексея Алексеевича на незнании хотя бы чего-нибудь. Но потерпел поражение.

В этих поездках в метро и сопровождавших их разговорах проявилось мастерство Макарова-педагога (и даже пропагандиста): он располагал к себе собеседника, поражал его широтой знаний и завершал разговор словами о пользе математики и статистического анализа данных, формируя у слушателя благоговение перед «всемогущей» статистикой. Наши беседы вызвали во мне сначала интерес, а затем искреннее желание учиться у этого человека и стать похожим на него.

Лектор по природе

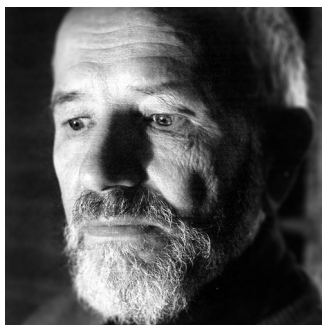
На следующий год Алексей Алексеевич решился на рискованное предприятие: согласился отдать мне, ставшему тогда преподавателем кафедры прикладной политологии, семинары по факультативу для первокурсников «Математика в политологии: введение». Риск состоял в том, что я еще мало понимал в вероятности и статистике (а именно этим сюжетам была посвящена львиная доля курса) и мог самым отчаянным образом провалить курс. Наверное, и провалил бы. По крайней мере я был в этом уверен, когда накануне каждого следующего семинара звонил вечером Алексею Алексеевичу с одним и тем же вопросом: «Откуда это все взялось? Что мне детям-то рассказывать завтра?» И он объяснял! Полчаса, час, полтора... Однажды он мне признался после одного из таких разговоров: «Моя супруга хочет уже на вас посмотреть, Денис».

А через полтора месяца я освоился, стал понимать, что к чему и как вести семинары по математике. Тогда казалось, что меня просто бросили в пруд: плыви! Но это было, конечно, не так: рядом всегда был тренер, подсказывавший, как грести, обстоятельно разъясняющий ошибки и в конце разговора непременно ободрявший: «Ничего, это нормально. Научитесь!»

В тот же год мы решили начать собирать вокруг возглавляемой Алексеем Алексеевичем кафедры высшей математики студентов-политологов, которым интересны количественные методы в социальных науках. Задача была актуальной не только потому, что зарубежная политология существенно математизирована, но и потому, что на самом факультете прикладной политологии в тот момент не было структуры, способной стать центром притяжения «количественников». Так появились Катя Устинова, Рита Камалова, Оля Гаспарян: первая и последняя прописались на кафедре со студенческой скамьи в роли специалистов по учебно-методической работе, Рита просто всегда была рядом под тем предлогом, что Алексей Алексеевич – ее научный руководитель.

Мы редко собирались на какие-либо научные семинары. Чаще это были обычные «случайные» (но так ожидавшиеся и даже готовившиеся нами!) встречи с заведующим на кафедре. Главное было вовремя предложить ему чаю. А разговор начинался сам собой: с последних новостей в мире политики он быстро перекидывался на проблемы прикладной статистики – на те проблемы, которые не принято обсуждать на лекциях и семинарах, о которых стараются умалчивать в аудиторное время «политкорректные» преподаватели. Это было уникальное знание, передававшееся нам по крупицам: в виде ярких примеров из жизни, удачных находок коллег или ошибок, допущенных кем-то в дипломной работе. И Алексей Алексеевич всегда был готов начать с азов, если уровень знаний слушателей оказывался недостаточным для восприятия рассказа. Времени на такие разговоры уходила тьма: однажды Валерия Касамара, в то время первый заместитель декана факультета прикладной политологии, пустила нас для такой беседы в кабинет декана в 10 утра; зайдя снова в час дня, она, к своему удивлению, обнаружила нас там же, распивающих чай и доедающих упаковку печенья; а вот в 3 часа дня, увидев, что не только печенье, но и остатки чая давно закончились, она была вынуждена разогнать нас со словами: «Да вы шестой час тут чай пьете!» Да, у этих разговоров были свои издержки, но так на факультете прикладной политологии формировалась школа Макарова: школа, перековывавшая вчерашних гуманитариев в специалистов по статистическому анализу данных.

Сегодня мы подросли, стали читать свои собственные курсы, спорить с учителем о том, как правильно преподавать и ставить оценки, возмущаться его непонятливостью и нежеланием признать нашу правоту... А он все так же улыбается и говорит: «Ничего, научитесь!» Проходит время, и мы вдруг в пылу дискуссии начинаем убеждать Макарова в том, с чем сами недавно спорили, вызывая все ту же улыбку: «Ну вот, научились. Давайте дальше обсуждать». Обсуждаем. И учимся.



ВЛАДИМИР ВЕНИАМИНОВИЧ БИБИХИН

- Родился в г. Бежецк.
- В 1967 г. закончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет).
- В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Семантические потенции языкового знака».
- Некоторое время преподавал немецкий язык и теорию перевода в Московском институте иностранных языков и Московском институте международных отношений.
- С 1970 г. – личный секретарь А.Ф. Лосева.
- С 1972 г. – сотрудник сектора информации Института философии АН СССР (ныне ИФ РАН), составитель многочисленных научно-аналитических обзоров европейской и американской философской литературы.
- 1989–2002 гг. – преподаватель философского факультета МГУ, создатель около 20 авторских курсов, в том числе: «Мир», «Внутренняя форма слова», «Ранний Хайдеггер», «Лейбниц», «Пора (время–бытие)», «Начала христианства», «Грамматика поэзии», «Дневники Льва Толстого», «Философия права» (ряд из них был переработан и опубликован в виде книг).
- Автор работ, посвященных античным, средневековым, ренессансным философам и богословам, западно-европейским и русским мыслителям XIX–XX вв., а также комментированных переводов с древнегреческого (Макарий Египетский, «Триады в защиту священно-безмолвствующих» Григория Паламы), латинского (Бозций Дакийский, Николай Кузанский, в т.ч. «Об ученом незнании», Ф. Петрарка, немецкого (М. Хайдеггер, в т. ч. «Бытие и время», Л. Витгенштейн, Х. Арндт, В. Гейзенберг, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер), французского (Ж. Деррида) языков.
- Основные работы: «Язык философии» (1993, 2002, 2007), «Мир» (1995), «Узнай себя» (1998), «Слово и событие» (2001), «Другое начало» (2003), «Введение в философию права» (2005), «Ранний Хайдеггер» (2009), «Собственность. Философия своего» (2012).
- Лауреат Малой Букеровской премии за книгу «Новый Ренессанс» (1999), литературной премии «Книга года» по философско-гуманитарной мысли (за книгу «Людвиг Витгенштейн: смена аспекта»).

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВСКИЙ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Владимир Вениаминович Биbihин:
Вольный ум

«Авантюра парресии – свободной речи без стратегии и искательства» – таким видел дело философии Владимир Вениаминович Биbihин. В скудном пространстве позднесоветской и постсоветской культуры многие хотели бы отвести ему место «всего лишь» переводчика и интерпретатора философских текстов, не замечая того, что он, подлинный сократический мыслитель, говорил о философии не догматически. Его выступления убеждали в том, что по-прежнему существует такой особый род деятельности, в котором честность и ответственность мысли неотделимы от честности и ответственности жизненной позиции.

Введение в философию

В осеннем семестре 1993 г. я, студент первого курса философского факультета РГГУ, участвовал в семинаре Анатолия Валериановича Ахутина. Однажды мы разбирали «Вторую Аналитику» Аристотеля. В перерыве к нам в аудиторию зашел среднего роста человек с небольшой бородкой, в очках, одетый в свитер под горло и серый пиджак. Мягкие, плавные движения, тихий дружеский разговор, книги, извлеченные из потертого кейса, – очевидно, подарок. Посетитель скоро ушел, и в начале следующей пары преподаватель удовлетворил любопытство молодой заинтригованной аудитории. К нам заглянул в гости московский философ Владимир Вениаминович Биbihин – в издательстве «Республика», что напротив здания РГГУ на Миусской, только что вышел сборник работ Мартина Хайдеггера «Время и бытие» в его переводе. Это посещение показалось мне уже тогда каким-то неизмеримо важным и одновременно очень интимным, вовлекающим нас в большое событие и позволяющим ощутить свою причастность к делу философии. Да оно и было таким.

Чтение статей «Время картины мира», «Европейский нигилизм», «Вопрос о технике» оказалось для меня первым серьезным знакомством с европейской философией XX в., знакомством, которое открывало более широкие перспективы, чем экзистенциализм Камю или эзотерика Кастанеды – увлечения тогдашних шестнадцатилетних юношей. Критика современности, история метафизики, онтологическое измерение техники – вот темы, которые меня захватили тогда и не отпускают до сих пор.

Уже очень скоро к моему кругу чтения добавился «Язык философии» – пожалуй, до сих пор самая известная книга В.В. Библихина. Чеканный тезис «слово в своем существе – голос события» стал для меня еще одной путеводной нитью, позволил понять, что настоящая философия – это фило-логия, любовь к слову, что через исследование феноменов языка можно оказаться в самом средоточии философской рефлексии. Книга была напечатана в издательстве «Прогресс» тиражом 5 тыс. экземпляров и стала философским бестселлером. Тираж разлетелся за несколько месяцев, как, впрочем, уже после первого прочтения разлетелся и клееный корешок книжки. Да, в начале 1990-х годов можно было говорить о бестселлерах философской и гуманитарной литературы. Несомненно, это было время интеллектуальной свободы, знакомства с русской философией и богословием и вместе с тем сжатого, плотного, интенсивного освоения психоанализа, структурализма, феноменологии – тех западных школ, которые учили дисциплине мышления. А еще это было время вольных бесед в комнатках независимых издательств, знаменитых философских собраний в подвале книжного магазина «Эйдос» в Чистом переулке и открытых семинаров в старых московских особняках, занимаемых разными учреждениями Министерства культуры и Академии наук.

Свободные слушатели свободного лектора

В следующем учебном году мы с моим университетским другом решили ходить на лекции Библихина, которые он читал по вторникам (формально не находясь ни в каких отношениях с философским факультетом) в 1-м гуманитарном корпусе МГУ им. М.В. Ломоносова. «Первая поточная аудитория» заполнялась на треть – все слушатели были по определению вольнослушателями (главным образом студенты философских, исторических, богословских факультетов), как и сам лектор был вольным лектором. Лекции Владимир Вениаминович читал по написанному тексту, расставляя акценты легким ритмичным движением руки. И тем не менее всех, кто его слушал, не покидало ощущение, что слова рождаются здесь и сейчас. На этом примере я учился тому, каким должно быть отношение к произносимому слову – трепетным и вместе с тем строгим и ответственным. Ведь, как говорил В.В. Библихин, «слово есть мера мира».

Первый прослушанный мною курс назывался «Витгенштейн» (1994/95 уч. г.) – он рисовал непривычный образ мыслителя (иного, чем Витгенштейн, причесанный под гребенку аналитической философии), мистика, который читает Льва Толстого, ведет исповедальный дневник и одновременно пишет «Логико-философский трактат» в окопах Первой мировой войны. Однажды в конце очередной лекции несколько студентов задержались у кафедры, чтобы задать вопросы. Неожиданно Владимир Вениаминович попросил каждого назваться и рассказать о себе. Каждого, у кого хватило смелости откликнуться на просьбу, он слушал терпеливо, внимательно, с искренним интересом. Уже потом, когда я посещал лекции по философской герменевтике в Тюбингенском университете и общался с профессорами Гюнтером Фигалем и Манфредом Франком – учениками Ханса-Георга Гадамера, – я отметил общую для российского и германских мыслителей черту, которую можно назвать герменевтической воспитанностью сознания: готовность слушать другого, нащупывать общий предмет, одним словом, вести беседу,

в которой только и обнаруживается истина. Таких герменевтических упражнений в последующие годы было немало – преданной вереницей мы сопровождали учителя, шедшего неторопливо и важно по длинной яблонево аллее, которая вела от 1-го гуманитарного корпуса к метро «Университет». И за эти 15 минут успевали многое – уточнить толкование разбиравшегося на лекции отрывка из Платона или Аристотеля, углубиться в детали паламитских споров в Византии XIV в., услышать авторитетное мнение о своем школярском переводе из Ницше, Юнгера или Хайдеггера или свободно обсудить интересовавшую всех тему «Россия и Европа» через эвристично предложенную Бибихиным оппозицию писаного и неписаного права (свой последний курс в МГУ в 2001/02 уч. г. Бибахин как раз посвятил философии права).

Многие знают В.В. Бибахина именно по его лекциям, которые он читал в МГУ с 1989 г. Своим числом (около 20 курсов менее чем за 15 лет) и уровнем изложения материала они отвечали самым строгим требованиям, предъявляемым к профессорам западных университетов. Этого не могли не оценить студенты и аспиранты, которые – кто после стажировки в Сорбонне, кто защитив PhD в Страсбурге или Мичигане – вновь приходили слушать Бибахина. Но его преподавательская работа выпадала из запрограммированного хода машины высшего образования. Едва ли студенты, прослушавшие тот или иной курс, могли сказать о себе, что овладели какими-то компетенциями, дающими право претендовать на диплом или позволяющими найти престижную работу. В этом заключалась странность его лекций – они были нужны как чудо, повторявшееся снова и снова.

Уроки живой герменевтики

Бибахин в полной мере принадлежал к большой европейской традиции и вместе с тем оставался глубоко русским мыслителем, хорошо понимавшим, насколько странен в России статус философии как открытой и ничем не гарантированной мысли.

Как я сейчас вижу, последние полтора насыщеннейших десятилетия работы Бибахина были работой человека на «оставленном посту»: александрийская образованность и изящество духа сочетались в этом человеке с открытостью новому – качеством, в равной мере характерным как для раннехристианских подвижников, так и для ключевых и судьбоносных фигур поздней европейской культуры – Джойса, Клее, Элиота. Все в нем говорило о захватывающем ощущении свободы и нового начала на руинах старой цивилизации.

Наверное, так воспринимали Бибахина и его друзья, приехавшие из Европы, например французский переводчик Хайдеггера Франсуа Феде. А молодой немецкий философ Петер Травни, к которому я, находясь на стажировке в Германии, явился, так сказать, с рекомендательным имейлом от Бибахина, признался, что встреча с этим человеком «вольного ума» (ein freier Geist) стала для него одной из самых важных в жизни. И вот еще одно свидетельство. Недавно А.В. Ахутин в одном интервью сказал о своем друге такие слова: «Владимир Бибахин прежде всего совершенно необыкновенный человек. Такой, которому в точности подходит хайдеггеровский экзистенциал eigentlich: свой собственный, аутентичный, подлинный. И столь же настоящий, оригинальный мыслитель. Можно было не соглашаться с ним, расходиться, но то, что – и как – он говорил и писал, сразу поражало безусловной достоверностью первоисточника: мысль, целиком совпадающая с лицом, несущая в себе событие своего рождения».

Для меня В.В. Бибахин ни в коей мере не являлся научным руководителем (я писал диссертацию по философии техники в работах Э. Юнгера и М. Хайдеггера под руководством ортодоксального гуссерлианца Виктора Игоревича Молчанова). Скорее, он был для меня наставником и старшим другом, который учил не тому, «что», а тому, «как», – феноменологическому видению, «смене аспекта». Каждый разговор с ним всегда оставлял после себя чувство наполненности, если не сказать – счастья.

К нему добавлялось осознание причастности к большой традиции русской философии. Ведь начиная с первой половины 60-х годов Владимир Вениаминович был другом и помощником Алексея Федоровича Лосева, и это сотрудничество стало для него настоящей философской и филологической школой. (При этом он никогда не позволял себе говорить о пресловутой «уникальности» и «духовности» русской философии, адепты которой нередко скрывают за этими штампами свое роковое бессилие и неспособность взять слово перед лицом требований времени.)

От В.В. Бибихина я получил первые и главные уроки перевода философских текстов. В его мастерском исполнении вышло русское «Бытие и время» – главная философская книга XX в. (Бибихин работал над этим переводом на мансарде подмосковного дачного дома, выстроенного собственными руками.) Многих читателей удивил необычный русский язык, на котором заговорил великий немецкий философ, многие не приняли этот язык – сам Бибихин провокационно утверждал, что следует «переводческим принципам Кирилла и Мефодия». Однако ни у кого не было сомнений в том, что за этим переводом скрывался огромный многолетний труд – как по осмыслению оригинального текста с его знаменитыми понятиями «Dasein», «Weltlichkeit der Welt», «zeitigen», так и по отысканию эквивалентов в русском языке («присутствие», «мирность мира», «временить»). В послесловии говорилось: «Это русское „Бытие и время“ пытается использовать данную нашим языком возможность воссоздания немецкой мыслящей речи... Русское слово открывает исканию свои просторы...»

В последние десять лет В.В. Бибихин опубликовал много книг. И это еще одна сторона его подвига: образец настоящей работы, очень сложной, самоотверженной, необходимой и всегда одинокой. Все его книги – это переработанные курсы лекций. Бибихин пишет о слове, языке, событии, детском отношении к миру, свободе, собственности, праве, правде и русской истории, внимательно разбирает древнеиндийские гимны,

сочинения Данте, Пушкина, Толстого, Мандельштама, Лорки, Гераклита, Платона, Гегеля и Хайдеггера. К лекциям Бибихина – напечатанным в виде книг, оставшимся на 90-минутных кассетах, – я возвращаюсь снова и снова. Не для того чтобы «приобрести новые знания», но чтобы еще лучше усвоить преподаанный много раз урок онтологической по своему устройству мысли, которая умеет видеть в поверхности (языка, мира, жизни) глубину.

Дисциплина мысли

В памяти осталась гостеприимная квартира Бибихиных неподалеку от Миллионного моста над Яузой. Почетное место там занимали стеллажи с изданиями греческих и латинских авторов, а в кабинете лежали ксерокопии иностранных книг и статей. Квартира, однако, не была местом уединения ученого – в ней всегда кипела жизнь, четверо детей занимались своими важными делами, требовательно вовлекая визитеров в круг своих мальчишеских интересов. В последний раз я навестил Владимира Вениаминовича дома за несколько дней до смерти. Он продолжал с неимоверными усилиями вносить правку в макет книги «Витгенштейн: смена аспекта», в основу которой лег тот самый курс, прочитанный в МГУ.

Владимир Вениаминович не создал школы в привычном понимании этого слова. Однако многие могут называть себя его учениками – в том смысле, какой подразумевал он сам, говоря, что «школа должна прежде всего учить дисциплине мысли», что она требует от нас «терпения, внимания, взглядывания», призывает нас уйти от «бездарного битья мнениями друг друга». Лишь тогда – и в этом состояла его надежда – «с нами что-то произойдет».



ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА АНДРЕЕВА

- Родилась в Казани.
- В 1950 г. окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1966 г. защитила докторскую диссертацию «Методологические проблемы эмпирического социального исследования».
- Основатель кафедры методики конкретных социальных исследований философского факультета МГУ (1969), основатель (1972) и заведующая (1972–1989) кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ.
- Член Ученого совета МГУ (с 2001 г.), Российского общества социологов (с 1968 г.), Общества психологов СССР (с 1972 г.); Российского психологического общества (с 1994 г.), Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии.
- В разные годы входила в состав редколлегии журналов «Вестник Московского университета» (серия «Психология»), «Вопросы психологии», «Общественные науки за рубежом» (Серия «Философия и социология»), была председателем психологической секции экспертного совета Института «Открытое общество»; членом научного совета «Психология ядерного века» Бостонского университета (с 1972 г.); экспертом Российского государственного научного фонда (РГНФ) и фонда «Пушкинская библиотека».
- Автор более 200 научных работ, многие из которых опубликованы в зарубежных изданиях. Сотрудничала со специалистами из Финляндии, Германии, Чехии.
- Основные работы: учебник «Социальная психология» (1980), «Психология социального познания» (1997), «Актуальные проблемы социальной психологии» (1988).
- Удостоена званий «Заслуженный деятель науки» (1974), «Заслуженный профессор Московского университета» (1996), «Почетный доктор Университета Хельсинки» (2000), лауреат премии им. М.В. Ломоносова за научную работу (1984), лауреат премии им. М.В. Ломоносова за педагогическую работу (2001).
- Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Дружбы народов, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и двенадцатью памятными медалями.

ЕЛЕНА АГАДУЛЛИНА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Галина Михайловна Андреева:
Главная Мама

Впервые я увидела и услышала Галину Михайловну Андрееву в самом начале второго курса, на первой лекции по социальной психологии. Именно эта лекция и определила мой выбор научного руководителя. Хорошо быть взрослее и рассудительнее, чем в семнадцать лет, и приписывать своему выбору некоторые скрытые смыслы, которые тогда, в ранней юности, не осознавались, а сейчас кажутся столь очевидными. Но в тот момент на первой лекции мне сразу же понравились две вещи. Во-первых, ее рассказ был понятным, содержательным и структурированным, чем выгодно отличался от стиля всех предыдущих лекторов, с которыми мне пришлось столкнуться за первый год обучения. Во-вторых, она мало улыбалась, ей не нужно было заигрывать с нами, она держалась с нами как со взрослыми. Позже я поняла, что Галина Михайловна в целом не очень часто улыбается: чаще можно увидеть ее сосредоточенной – внимательно слушающей своего собеседника или размышляющей над чем-нибудь. Но тогда мне казалось, что эта ее особенность относится именно к чтению лекций. Решение я приняла быстро и уже после следующей

лекции подошла к ней и сказала, что хотела бы писать у нее курсовую работу. Она ответила: «Хорошо, приходите на кафедру», – и все. Вот так просто, без каких-либо испытаний. «Страшилка», что Галина Михайловна будто бы не берет студентов, не подтвердилась. Она брала всех студентов, которые хотели с ней работать. Так началось наше сотрудничество, продлившееся семь лет. Общий исследовательский интерес мы нашли довольно быстро. В 2000 г. вышло второе издание учебника «Психология социального познания», с некоторыми разделами которого я успела познакомиться еще до встречи с Галиной Михайловной. Меня интересовало, как люди воспринимают окружающий их мир, какие смыслы ему приписывают. А Галина Михайловна еще с 80-х годов разрабатывала эту проблематику, что и отразилось в ее многочисленных работах о том, как обыкновенные люди воспринимают информацию, строят суждения, думают о других людях и выстраивают с ними взаимодействие. Под ее руководством было сформировано целое направление исследований социального познания, в рамках которого велась работа сотрудников кафедры социальной психологии (преимущественно ее бывших аспирантов, которые сейчас уже стали доцентами и докторами наук).

О жизни на кафедре

Вся моя студенческая и аспирантская жизнь проходила на кафедре социальной психологии. Для нас кафедра ассоциировалась с конкретным местом (большой комнатой на первом этаже с круглым столом посередине), где в определенный день (чаще всего по вторникам) можно было найти нужного тебе человека. Это то место, где Галина Михайловна была и остается главным авторитетом. Сотрудники кафедры планомерно, собственным примером воспитывали в нас уважение к Галине Михайловне. Попадая на кафедру, мы часто слышали: «А ГМ придет?», «Спросите/почитайте у ГМ». ГМ – так сокращенно уже много лет Галину Михайловну называют на кафедре, называют и при ней, и в разговорах с другими людьми, демонстрируя тем самым уровень близости, принадлежность к группе, которая может называть ее именно так, а не формально, по имени и отчеству: ГМ – Главная Мама кафедры социальной психологии, главный советчик, главный критик.

Взрослея в такой атмосфере, студенту младших курсов порой бывает боязно обратиться с вопросом или просьбой к человеку, к которому с таким уважением относятся все знакомые ему профессора. Но общение с Галиной Михайловной быстро сводит эти страхи на нет. Чем старше я становилась и чем сильнее менялся мой статус (от студентки до аспирантки, а потом и до преподавателя кафедры социальной психологии), тем яснее и очевиднее в разговорах и реакциях Галины Михайловны проявлялось ее достаточно «холодное» отношение к такому почитанию, а в некоторых случаях даже раздражение. Сохраняя критическое отношение к себе и многим своим работам, она с большей готовностью рассказывала о возможных изменениях в ее учебнике по социальной психологии, чем соглашалась принять участие в празднике, посвященном ее очередному юбилею.

Кафедра и Галина Михайловна, несмотря на неотделимость одной от другой, всегда оставляли у меня разные впечатления. Кафедра в дни встречи на ней студентов

и преподавателей – такая суетливая, шумная и заполненная, а Галина Михайловна – всегда размеренная и спокойная. Во время моей учебы встречались мы с Галиной Михайловной не очень часто, но регулярно (примерно раз в месяц) и всегда по делу. Встречи на кафедре были достаточно лаконичными, они проходили в режиме «живой очереди» из студентов, профессоров и аспирантов, жаждущих задать вопрос ГМ или посоветоваться с ней. Встречи у нее дома сопровождались рассказами о профессорской жизни, историями из жизни «великих» и всегда были более продолжительными и живыми. Настоящая атмосфера профессорской квартиры с рядами книг на всю стену, отдельными шкапами с недоступной для нас тогда иностранной литературой и с историями, которые делали для меня «живыми» и более похожими на нас многих людей, знакомых до этого только по сухим и во многом непонятным текстам работ по психологии.

О стиле обучения

Чаще всего на наших встречах мы обсуждали написанные мною тексты, старательно вычитанные ГМ. Количество пометок, которые она оставляла на полях, всегда поражало мое воображение. Комментарии были абсолютно разные: от указаний на стилистические ошибки до вопросов, ставивших меня в тупик и заставлявших долго думать над тем, где именно я не права. В личной беседе количество комментариев утраивалось, они становились более развернутыми и эмоциональными: «Лена, ну что это за чеховский стиль? Никто не пишет так научные работы». Так Галина Михайловна учила меня отделять литературные тексты от научных и не начинать в научной работе предложения с деепричастий. Или, обратив внимание на какой-то кусок написанного мною текста, говорила: «Лена, я вам рассказывала историю про БСК?» Так вот, был у ГМ знакомый, который устал писать на полях не очень умных текстов комментарии, поэтому взял ластик и написал на нем ручкой: БСК (сокращение от «бред сивой кобылы»), – а дальше,

используя этот ластик в качестве печати, отмечал все части текста, где не в силах был уже писать какие-либо комментарии. В принципе, этой забавной истории было вполне достаточно для того, чтобы понять, что текст требует доработки. Так мы и работали: я писала тексты, Галина Михайловна их исправляла, рассказывала мне истории, давала советы, делилась западной литературой, я переделывала тексты – и все начиналось заново.

Когда сейчас мне в руки попадают работы моих студентов из Вышки и я ловлю себя на мысли о том, что мне совсем не хочется читать, комментировать, что-то предлагать, я всегда стараюсь вспомнить о том, что в свое время именно эти разговоры о моих текстах и научили меня многому из того, что я умею. И круг замыкается: студенты пишут, я исправляю, рассказываю им истории, даю советы...

Вместо заключения

Галине Михайловне сейчас 89 лет. Это почтенный возраст. Она по-прежнему преподает в университете и принимает у себя дома гостей, с которыми ведет долгие и интересные беседы о происходящем и минувшем. К сожалению, мы редко видимся. Но каждый раз при встрече она спрашивает у меня о чем-то, что дает мне понять, что она «присматривает» за мной. Как когда-то на втором курсе, встретив меня в коридоре через несколько дней после пропущенной лекции по социальной психологии, она сказала мне: «Лена, вас во вторник не было на моей лекции!» Несмотря на то что в аудитории было 80 человек, она не нашла там именно меня. И для меня это было очень важно.

В последнее время я часто слышу от Галины Михайловны рассказы о ее детстве, об отце, о войне. Все эти детали меняют для меня ее портрет, вызывая еще большее восхищение ее способностью не останавливаться на достигнутом, не терять веры в себя, оставаться открытой всему новому и интересному.



АЛЕКСЕЙ БРОНИСЛАВОВИЧ СОСИНСКИЙ

- Родился в Париже.
- В 1957 г. окончил бакалавриат Нью-Йоркского университета.
- В 1961 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную многомерным узлам (научный руководитель – Л.В. Келдыш).
- До 1974 г. – преподаватель механико-математического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (ассистент, доцент).
- 1975–1989 гг. – редактор отдела математики в журнале «Квант».
- 1987–1994 гг. – доцент МИЭМ.
- Профессор Независимого московского университета (с 1992 г.).
- Один из создателей и первый директор Российско-французской лаборатории им. Ж.-В. Понселе.
- Автор более 60 научных публикаций в области маломерной топологии, теории узлов, алгоритмической теории сложности.
- Основные работы: «Мыльные пленки и случайные блуждания» (2000), «Узлы и косы» (2001), «Узлы. Хронология одной математической теории» (2005).
- Удостоен звания офицера Ордена академических пальм (2007, *Ordre des Palmes Académiques*) – награды Французской Республики за заслуги в области науки и образования; премии Правительства РФ в области образования (2012).

ЕВГЕНИЙ СМИРНОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Алексей Брониславович Сосинский:
На каком языке разговаривать
о математике?

Человек, о котором я хочу рассказать, никогда не был моим научным руководителем. Тем не менее я считаю его одним из своих Учителей. Но перед тем как начать рассказ о нем, я хотел бы сказать пару слов про Независимый университет – очень необычное учебное заведение, в котором Алексей Брониславович работает со дня основания, уже более двадцати лет.

Мои университеты

Именно так, как у Горького, – во множественном числе, потому что их было два одновременно. В 1999 г. я окончил математический класс московской школы № 57 и поступил на мехмат МГУ. Учиться на первом курсе было скучновато: во-первых, значительную часть материала первого курса мы уже изучили в школе, а на мехмате многие лекции читались довольно сухо и формально.

Во-вторых, на мехмате с его гигантскими потоками – четыреста человек на курсе – возникало ощущение, что ты попал в качестве детали на огромный конвейер, совсем как герой Чарли Чаплина.

Итак, было ощущение, что на мехмате не хватает чего-то важного. К счастью, существовало место, где это можно было восполнить: Независимый московский университет. С точки зрения государства, такого заведения не существует: диплом гособразца там не выдается, отсрочки от армии нет. Почти ничему, кроме математики, там не учат. Зато математике учат на очень высоком уровне: те, кто там преподает, блестящие преподаватели и ученые и, что не менее важно, энтузиасты своего дела. Кроме того, по сравнению с мехматом, это очень маленькое заведение, учится там в общей сложности от полусотни до ста человек, так что, когда попадаешь туда, сразу же возникает чувство, что «все свои».

У первокурсников в Независимом – три предмета, каждый по две пары: сначала лекция, потом семинар. Два из этих трех называются так же, как предметы, которым нас учат на мехмате: алгебра и математический анализ. Третий предмет – топология. Курса с таким названием на мехмате нет.

Читает топологию Алексей Брониславович Сосинский. Ему чуть за шестьдесят; уже с первого взгляда понятно, что это человек незаурядный и обладающий даром притягивать к себе внимание (я не люблю слово «харизма», но, возможно, это она и есть). Его лекции всегда четкие и продуманные, за такой лекцией следишь, как за увлекательным рассказом. Все записи на доске сделаны очень понятным почерком и хорошо организованы. Довольно часто на доске появляются рисунки, обычно цветными мелками: Алексей Брониславович оказывается не только превосходным лектором, но и весьма неплохим художником-графиком. Рисунки проясняют очень многое – такова специфика курса по топологии.

Уже значительно позже, оглядываясь назад, я понял, насколько это непростое дело – прочесть вводный курс топологии для первокурсников. Основная трудность, как она видится мне, заключается в следующем: в топологии очень много понятий и утверждений, которые вчерашнему школьнику очень просто объяснить «на пальцах» – но без должной математической строгости. А в таком случае довольно скоро становится непонятно, где заканчиваются верные утверждения и начинаются правдоподобные, но неверные. Можно, наоборот, пытаться всюду, где это возможно, проводить строгие рассуждения – но они часто оказываются очень сложными для первокурсника, и всегда есть опасность, что за техническими деталями студенты перестанут видеть суть дела. Поэтому лектору, строящему свой курс, всегда приходится лавировать между этими двумя крайностями.

Одиссей, проплывая между Сциллой и Харибдой, решил пройти ближе к Сцилле, так как водоворот Харибды непременно погубил бы весь его экипаж. Точно так же в курсе топологии Сосинского выбор был сделан в пользу наглядности и объяснения сути понятий, а не доскональной строгости изложения. Однако при этом всегда объяснялось, как именно можно обойти ту или иную техническую трудность и что именно в том или ином месте доказывается, а что предлагается принять без доказательства.

Три родных языка

Замечательное (с точки зрения студента) свойство Независимого университета – большинство преподавателей пишут конспекты своих лекций и раздают после лекции распечатки. На первой лекции один из них так и говорит: «Писать лекции – моя работа, а не ваша; ваша задача – понимать, что происходит». Но отличие лекций Сосинского состоит в том, что конспекты почему-то написаны на английском языке. Впрочем, рядом с каждым новым термином имеется его перевод на русский. И еще – странное дело! – язык этих лекций оказывается очень простым и понятным даже для тех, кто почти не знает английского. (Среди студентов Независимого этот «простой английский» носит шуточное название «Sossinglish».)

Чуть позже выясняется, что иностранные языки – еще один конек Алексея Брониславовича. Впрочем, сам он порой повторяет – не поймешь, в шутку или всерьез, – что не знает ни одного иностранного языка. Потому что английский, французский и русский, которыми он владеет в равной степени (по его собственным словам, «одинаково хорошо или одинаково плохо»), для него являются родными. Это не преувеличение: Алексей Брониславович родился в Париже, в семье эмигрантов из России, и до десяти лет жил во Франции, после чего его семья переехала в Нью-Йорк. В 1957 г. Сосинский оканчивает с отличием бакалавриат Нью-Йоркского университета и возвращается в Москву (крайне неожиданный для тех времен поступок!), где поступает на третий курс мехмата МГУ. В 1961 г. он оканчивает мехмат, в 1965-м – аспирантуру мехмата и защищает кандидатскую диссертацию по топологии, по многомерным узлам. Дальше – успешная мехматовская карьера: ассистент, доцент на кафедре геометрии, – которая прерывается в 1974 г. по политическим причинам. После этого более десяти лет, до начала перестройки, Сосинский не занимает никаких официальных преподавательских должностей.

«Квант»

Мое заочное знакомство с Сосинским состоялось существенно раньше, чем я пришел учиться к нему в Независимый университет. С середины 1990-х годов я, тогда еще школьник младших классов, выписывал замечательный физико-математический журнал для школьников – «Квант». Сосинский был редактором отдела математики этого журнала; кроме того, время от времени в «Кванте» появлялись его статьи на самые разные темы.

Сосинский стал работать в «Кванте» уже почти сорок лет назад – в 1975 г. Но его работа в области популяризации математики не ограничивается «Квантом»: он участвует в организации различных олимпиад и продолжает читать популярные лекции по математике для самых разных аудиторий. Кроме того, он бессменный председатель научного комитета летней школы «Современная математика», которая ежегодно, с 2001 г. проходит в Дубне и собирает около сотни старшеклассников и младшекурсников, которым ведущие математики читают лекции и мини-курсы. Но самое главное, что организаторам удается создать уникальную среду, в которой все участники – от десятиклассника до академика – могут разговаривать друг с другом о математике. Сам Сосинский часто говорит: «Лекции и семинары – это важно, но это не главное. А вот когда я вижу, что участники школы и преподаватели сидят на лавочке и беседуют о математике – я понимаю, что школа удалась».

Обмены с ENS

Когда я учился на старших курсах, в Независимом существовала программа обмена с парижской Ecole Normale Supérieure. По уровню математики это, безусловно, сильнейшее учебное заведение Франции. Пятикурсники Независимого, которых обычно было человек пять, ехали на месяц в Париж, где у них была возможность окунуться в весьма насыщенную парижскую математическую жизнь.

А через некоторое время после этого несколько студентов из ENS приезжали с ответным визитом в Москву, в Независимый. Сосинский был одним из организаторов этого обмена. Я помню, как перед нашим отъездом в Париж он собрал нас и сообщил массу полезной информации самого разного рода: начиная с того, какие семинары проводятся в каких университетах и с кем каждому из нас было бы полезно встретиться и пообщаться, и заканчивая тем, какие бывают билеты в парижском метро и в какие дни можно бесплатно попасть в Лувр или музей Орсэ. Разумеется, всеми этими сведениями мы не преминули воспользоваться.

Однако для меня обмен с ENS оказался важен еще по одной причине. Тогда состоялось мое первое знакомство с французской математической жизнью. Когда через несколько месяцев я получил стипендию, которая давала мне право поехать в аспирантуру в любой университет Франции, эта страна уже не была для меня terra incognita – я понимал, что смогу там учиться и это окажется для меня интересно и полезно. В итоге я поехал в Гренобльский университет, где по условиям стипендии проводил шесть месяцев в году (а оставшиеся шесть – в Москве). Разумеется, во время своей учебы я регулярно консультировался с Алексеем Брониславовичем по самым разным вопросам, связанным с учебой и жизнью во Франции, – и он всегда был готов мне помочь с любым делом, вплоть до исправления орфографии в моих первых текстах на французском языке.

Впрочем, уже после моей защиты, когда я принес Алексею Брониславовичу экземпляр диссертации, его реакция была достаточно неожиданной. Он просмотрел работу, сказал что-то одобрительное, а потом с очень серьезным видом произнес:

– А все-таки, Женя, мы сделали большую ошибку, отправив вас учиться в Гренобль...

В ответ на мое крайнее недоумение (эффект был достигнут!) он выдержал паузу и закончил:

– Ведь вы не катаетесь на горных лыжах!

Снова семинары на первом курсе

Аспирантов в Независимом стараются привлекать к преподаванию на младших курсах. Сложилось так, что я стал вести упражнения по курсам топологии и геометрии, которые читал Сосинский на первом-втором курсах. Работать под его руководством было настоящим удовольствием: у Алексея Брониславовича всегда был четкий план того, какие задачи следовало разобрать в ходе упражнений, что, конечно, очень облегчало жизнь преподавателю, ведущему семинары. Кроме того, он постоянно использовал всевозможные приемы из опыта работы в разных странах: скажем, на лекциях регулярно проводились короткие контрольные работы – quizzes, – которые позволяли нам иметь обратную связь с аудиторией. В Америке это регулярная практика, но в России так преподавать почему-то не принято.

Осенью 2011 г. меня, уже доцента Вышки, пригласили прочесть в Независимом курс алгебры. Когда выяснилось, что геометрию на том же курсе будет вести Сосинский, мне, признаться, сначала стало слегка не по себе – все-таки для меня это был первый опыт чтения большого лекционного курса. Однако это стало очень хорошим поводом взять еще несколько «уроков мастерства»: в течение года мы регулярно встречались, согласовывали программы курсов и намечали общий план действий. Конечно же, меня это очень поддерживало.

Курсы, которые Сосинский читает в Независимом, бывают не только математическими. Несколько лет назад Алексей Брониславович вместе с Татьяной Смоляровой – замечательным филологом, ныне работающей в Колумбийском университете, – организовали еженедельные встречи под названием «Une demi-heure de la poésie française» – «Полчаса французской поэзии». А в прошлом году на смену получасу французской поэзии пришел «An hour of English poetry», цикл встреч, в ходе которых Сосинский и

еще один замечательный математик, Михаил Анатольевич Цфасман, читали и комментировали стихи английских поэтов – от Шекспира до Йейтса и Одена, как в оригинале, так и в переводах на русский язык, причем некоторые переводы принадлежали перу руководителей семинара.

Вместо эпилога

В сентябре 2012 г. Алексею Брониславовичу исполнилось 75 лет. По этому поводу в Независимом (а где же еще?) прошла двухдневная конференция, которая так и называлась: «Математика Сосинского». Завершилась она докладом самого юбиляра о его новой работе. После этого Алексей Брониславович анонсировал следующую конференцию в честь своего юбилея, которая пройдет в 2037 г. и будет приурочена к его столетию. На ней он намерен сделать завершающий доклад.



ВАДИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ РАДАЕВ

- Родился в Москве.
- В 1983 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1997 г. защитил докторскую диссертацию «Экономические и социологические концепции хозяйственного поведения человека: сравнительное исследование» по двум специальностям (08.00.01 – «Политическая экономия» и 22.00.03 – «Экономическая социология»).
- С 1987 г. – сотрудник Института экономики РАН.
- Создатель сектора экономической социологии (1991) и отдела экономической социологии и социальной политики (1995) Института экономики РАН.
- Первый проректор (с 1999 г.), заведующий кафедрой экономической социологии, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.
- Создатель и главный редактор электронного журнала «Экономическая социология» (с 2000 г.).
- Автор более 250 научных публикаций, в том числе восьми монографий, на русском, английском, немецком, французском, итальянском, венгерском и японском языках.
- Основные работы: «Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика» (1998), «Социология рынков: к формированию нового направления» (2003), «Экономическая социология: учебное пособие для вузов» (2005), «Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле» (2007).
- Удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ» (2012), премии Европейской академии (1995).

ЗОЯ КОТЕЛЬНИКОВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ



Вадим Валерьевич Радаев:
В непрерывном движении

В тот по-зимнему солнечный день фортуна улыбнулась второкурсникам отделения социологии Новосибирского государственного университета. Взамен регулярных занятий им предложили отправиться в Институт экономики (полное название которого – Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН) и послушать выступление профессора из Москвы, который прилетел в Академгородок с курсом лекций по экономической социологии, предназначенным для студентов четвертого и пятого годов обучения.

Радаев и нимфы

Университет расположен в 15 минутах ходьбы от Института экономики. Дорога пролегает через лес. Студенты-второкурсники общей численностью тридцать человек гуськом проскрипели по тропинке, проторенной через густо растущие многолетние сибирские сосны и лохматые ели, изгибающиеся под тяжестью снежного покрова.

В большом зале Института экономики прибывшие студенты кучно расположились на расставленных параллельными рядами стульях на безопасном расстоянии от лектора. В передней части зала, за столами, стоявшими буквой «П», сидели старшекурсники, а во главе – профессор из Москвы. Столичная знаменитость оказалась человеком молодым (тридцати пяти лет от роду), приятной внешности и спортивного телосложения.

В Академгородке социология – занятие суровое, то ли по причине климата, то ли потому, что сугубо женское (как тогда было принято говорить: на отделении социологии на двадцать восемь девочек приходится две не девочки). Однако Вадима Валерьевича Радаева (это был именно он) данное обстоятельство, по всей видимости, не смущало. В окружении шестидесяти очаровательных слушательниц он чувствовал себя словно рыба в воде. Лекция проходила легко; серьезные вещи то и дело перемежались веселыми шутками. Студентки сидели как завороченные. В той аудитории в числе второкурсников отделения общей социологии экономического факультета НГУ оказалась и я. О чем была лекция, уже не помню. Но это и не важно.

В Москве

Поскольку в первом случае я видела Радаева, а он меня нет, реальное знакомство состоялось тремя годами позже. Летом 2001 г. я пришла все в тот же Институт экономики в числе студентов, окончивших специалитет отделения общей социологии НГУ, сдавать вступительные экзамены на магистерскую программу по социологии в Московскую школу социальных и экономических наук, известную как «Шанинка» (производная от имени ее основателя Теодора Шанина)¹. Оказалось, что специально для проведения испытаний к нам были делегированы Вадим Валерьевич Радаев и Александр Олегович Крыштановский. В итоге я оказалась в Москве.

На тот момент в «Шанинке» на факультете социологии преподавала великолепная четверка – Геннадий Семенович Батыгин, Александр Олегович Крыштановский, Вадим Валерьевич Радаев и Александр Фридрихович Филиппов. Каждый из них был неповторим и служил для нас безусловным авторитетом. За ними ходили и буквально заглядывали им в рот, не желая упустить что-то важное. Ко всему прочему, обучение нас уму-разуму проходило весело. Вот сохранившийся отрывок переборки репликами преподавателей на защите наших синопсисов.

Филиппов: В замечании В.В. Радаева прозвучало три интересных мысли...

Радаев: А.Ф. Филиппов упомянул, что у меня было три мысли...

Филиппов: Это перебор...

Крыштановский: Это повод...

Радаев: Переполюясь гордостью за свои три мысли...

Время, проведенное в «Шанинке», запомнилось на всю жизнь. Средой нашего обитания служила потрясающая по тем временам библиотека. В окружении огромного числа книг мы часами общались с преподавателями и сокурсниками. Замечательное было время.

Дышите глубже, вы взволнованы!

Почему-то казалось естественным, что по окончании «Шанинки» у меня путь только один – очная аспирантура по социологии в Вышке. И даже совсем не обсуждалось, кто будет моим научным руководителем. Вариант был единственный – Вадим Валерьевич Радаев. Параллельно с поступлением в аспирантуру Вадим Валерьевич попросил меня помочь ему в координации общероссийской летней школы, проводившейся для экономосоциологов и новых институционалистов. Пришлось сразу включаться в дело.

В памяти моей отпечатался один волнующий момент – начало преподавательской деятельности. К тому времени я уже училась в очной аспирантуре. Одним ничего плохого не предвещавшим днем Вадим Валерьевич вызвал меня в свой кабинет и попросил о небольшом одолжении (он обычно не распоряжается, а просит, но можно ли отказаться, я до сих пор не знаю). Оказалось, что в министерстве Х ему назначили встречу на время, совпадающее с его семинарскими занятиями по экономической социологии. Через несколько дней в назначенный час я с трясущимися коленками подошла к аудитории, в которой Вадим Валерьевич проводил лекцию и в которой должен был состояться мой первый семинар. Вадим Валерьевич завершил занятие словами: «Вот вам Зоя Владиславовна, она знает, что с вами делать» – и удалился. А я до сих пор, входя в аудиторию к студентам, мучаюсь вопросом: знаю ли я, что с ними делать?

¹ Совместный проект «Полит.ру» и «Вести FM» «Наука 2.0». Разговор с социологом Теодором Шаниным. «Как появилась Шанинка». Часть 1. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/27/shanin/>

Железный человек

Вадим Валерьевич Радаев – единственный человек из всех моих знакомых, который успевает все. Или почти все. Более того, все, что успевает, он делает в высшей степени обстоятельно. При этом за все время нашего знакомства при его, прямо скажем, немалой занятости он не нарушил ни одного дедлайна и ни разу не оказывался в ситуации, когда приходилось сидеть всю ночь, дабы успеть выполнить работу вовремя. Как такое возможно? И как этому научиться? Ответ прост: выкидывайте все книги по тайм-менеджменту, купленные в магазинах деловой литературы, и стирайте из своей памяти рецепты, предложенные коллегами. Они не помогут! Для этого надо родиться «железным человеком», то есть человеком с сильнейшей волей и жесточайшим самоконтролем – человеком, который беззаветно предан своему труду. Радаев, по его собственному признанию, не умеет празднично валяться на диване, тяга к непрерывному движению у него в крови. В дополнение, он наделен настойчивостью, решимостью и стремлением начатое дело доводить до конца.

Есть у него и еще одна черта: Радаев не то чтобы любит выигрывать, скорее, он не способен сдаваться без боя. Он будет упираться до последнего: если и не победит, то вымотает соперника так, что ему не позавидуешь. Что, по всей видимости, есть проявление спортивной закалки, которая обнаруживается во всем, даже в тех случаях, которые могут показаться несерьезными. Так, когда Радаев рассказал нам с коллегой историю о том, как стал победителем литературной викторины на внутреннем авиарейсе «Аэрофлота» по маршруту Горький–Краснодар, удивления с нашей стороны не возникло.

Это непрерывное движение Радаева по жизни не хаотично, оно протекает в заданном направлении. При приеме на работу одного нашего младшего коллеги Радаев искренне удивлялся тому, что он не может ответить на вопрос: «Кем вы видите себя через три года?» У Радаева всегда есть среднесрочный план, которому он следует (причем именно среднесрочный – за этим, кажется, у него стоит какая-то собственная теория). Поэтому у Вадима Валерьевича нет проблем с расстановкой приоритетов. Его кредо состоит в том, что нужно сразу браться за важные дела, а незначимые должны по возможности отсекаются. Если же захотелось понять, какие дела приоритетны, можно спросить у него.

Добавлю, чтобы всем окончательно стало не по себе: Радаев никогда ничего не оставляет на последний момент. Он приступает к выполнению намеченного заранее. В общем, «готовит сани летом, а телегу – зимой». Будучи обычным человеком, этому я не научилась до сих пор. И еще он умеет с легкостью переключаться с одного дела на другое, не тратя уйму времени на раскачку. Немного завидно...

В недавно вышедшей книге Андрея Колесникова «Идея университета»² к фотографии Радаева сделана следующая подпись: «Лучший академик среди бюрократов, лучший бюрократ среди академиков». Сам Радаев такую ситуацию называет «нормальной шизофренией». Но при этом он абсолютно академический человек: с неугасающим энтузиазмом преподает, пишет научные статьи и книги. Ему в равной степени доставляют удовольствие теоретизирование и конкретные расчеты. А еще ему хочется «связи с реальностью», поэтому периодически затеваются прикладные проекты по запросам участников рынка.

² Колесников А. Идея университета. Несколько эпизодов из жизни Высшей школы экономики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Поскольку время не резиновое, Радаев практически бросил читать художественную литературу, теперь он слушает ее за рулем. Так заново были пройдены основные романы любимого Ф. Достоевского. Утверждает, что в музыке – закоренелый рокер (по-прежнему предпочитает «Pink Floyd», хотя иногда не прочь познакомиться с чем-то новым). Радаев из бывших профессиональных лыжников: в настоящее время, когда обстоятельства позволяют, с удовольствием меняет горные лыжи на беговые и наоборот – в зависимости от наличия гор или их отсутствия; постоянно играет в большой теннис (он не раз становился победителем любительских турниров).

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих

Долгое время я никак не могла взять в толк, почему мой научный руководитель со мной не возится. На мой беспомощный вопрос «Дядя, а что мне делать?» Радаев с пафосом отвечал: «У тебя есть возможность делать все что угодно». Поначалу мне казалось, что ему просто не хватает времени на работу с аспирантами. Вдобавок, он неохотно соглашался на встречу при отсутствии заранее предоставленного ему текста, считая подобные научные беседы с аспирантом переливанием из пустого в порожнее. Для него в любом деле важен результат – текст диссертации: «Утром – деньги, вечером – стулья». Есть текст – есть и повод для встречи с аспирантом. Нет текста – «такие условия душа не принимает», потому идите и делайте.

Признаюсь, лишь спустя многие годы я оценила свободу, которую тогда предлагал мне Вадим Валерьевич. Правда, не знаю, догадывается ли Вадим Валерьевич, как много пало тех, кто так и не смог понять, что делать с этой неограниченной свободой.

(Но Радаев все равно не изменит своего мнения по этому поводу.) Сейчас же я безмерно благодарна ему за то, что заставил меня разбираться в себе и своих академических пристрастиях. Если твои научные интересы еще не сформированы и ты мыкаешься в поисках, лучше поверить в то, что «аппетит приходит во время еды». Надо начинать делать что-то осмысленное, и интерес обязательно возникнет.

Радаев убежден в том, что пусковым механизмом движения человека в науке является не желание принести пользу человечеству, не жажда славы, а личный интерес. Надо делать то, что тебе интересно. Не все это понимают, и не все с этим соглашаются. Но фишка состоит в том, что если твое дело интересно тебе, оно будет интересно и другим. И эти другие вскоре подтянутся.

Самого же Вадима Валерьевича интерес к вопросам социальной стратификации и нового российского предпринимательства увел из экономики и привел в социологию. В начале 1990-х годов Радаев начал активно заниматься разработкой и институционализацией экономической социологии как нового направления в России³. В результате ему удалось не только стать неоспоримым авторитетом в этой области, но и создать, по общему признанию, коллектив исследователей, претендующий на лидерство в российском сообществе.

Я давно уже не аспирантка. В качестве полноправного коллеги я участвую в многочисленных проектах Вадима Валерьевича – в делах кафедры экономической социологии, в Лаборатории экономико-социологических исследований, в редакции журнала «Экономическая социология», в исследованиях по запросам деловых ассоциаций и во многих других начинаниях. Тем не менее меня не оставляет ощущение, что мое обучение продолжается.

³ Подробнее см.: Радаев В.В. Экономическая социология в России: становление и развитие // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 94–109; Т. 5. № 2. С. 126–139.

**Рассказы-воспоминания профессоров ВШЭ
о своих учителях и первых шагах
в академическом мире.**

Готовятся к публикации в ноябре 2013 года

ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧИТЕЛЯ ОБ УЧИТЕЛЯХ



Информационное издание

Поколения ВШЭ
Ученики об учителях

Литературный редактор *Ю.В. Иванова*
Компьютерная верстка, дизайн обложки: *В.И. Кремлев*
Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано в печать 03.07.2013. Формат 60×90 1/8
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 13,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 1675

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52